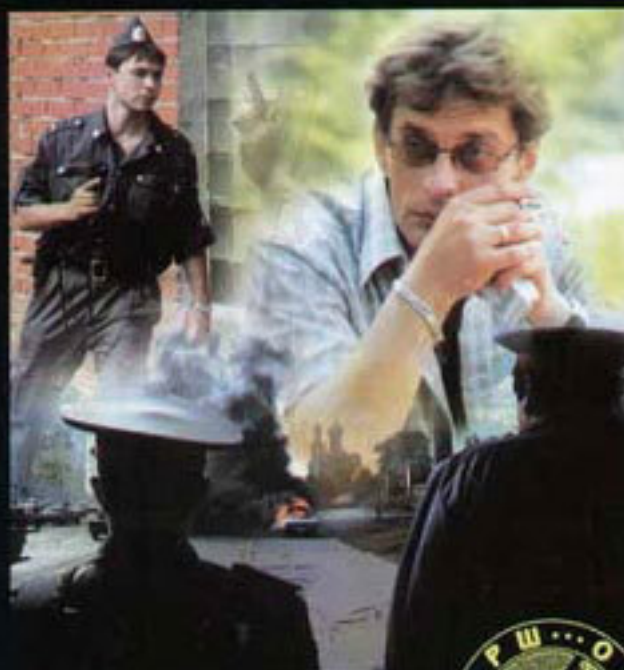

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Пуля
для следователя

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Пуля для следователя

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Пуля для следователя / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Подмосковный Зеленодольск взбудоражен произошедшими в городе трагическими событиями: погибли три предпринимателя, совладельцы металлургического завода. Более того – убит ведущий расследование молодой сыщик Поливанов, а вслед за этим и его отец, вице-мэр города. Размах криминальных событий настолько велик, что к делу подключилась следственная бригада из Москвы во главе со старшим помощником Генерального прокурора Александром Борисовичем Турецким. С первых шагов московские оперативники столкнулись с массивным и наглым противодействием преступников, готовых на все ради денег...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	41
Глава 10	43
Глава 11	46
Часть II	50
Глава 1	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Пролог

Океан нежности

В самый разгар рабочего дня машин перед ярославским Домом печати скопилось очень много. Казалось, что сюда слетелась уйма жуков с разноцветными крылышками. Вероника с трудом нашла свободное местечко для своего «фольксвагена». Она выключила движок, открыла дверцу и в нерешительности застыла с вытянутой ногой, увидев глубокую лужу. Как же выйти в новых туфельках? Но тут неподалеку начал отъезжать зеленый «жигуленок». «Давай, давай, чеши отсюда, консервная банка, да побыстрей. Ты и стоишь-то небось дешевле моих туфель», – подумала Вероника. Заведя машину, она въехала в освободившийся закуток. Тут и асфальт был чистый, и ко входу в здание идти ближе.

Прием объявлений в «Бюллетень знакомств» проводится на первом этаже, куда проходили без пропуска. Вероника так рассуждала: раз тут принимают объявления, значит, тут можно от них и отказываться.

– Где квитанция о том, что объявление давали именно вы? – равнодушно спросила приемщица.

И тут произошло настоящее чудо. Обычно Вероника наплевательски относилась к подобным бумажкам, не задумываясь выбрасывала всякие чеки и талоны. А квитанция об оплате объявления совершенно случайно уцелела. Хотя Веронике и в голову не могло прийти, что она когда-нибудь может понадобится.

Изучив квитанцию, приемщица удивилась:

– Вы же совсем недавно давали объявление. На три месяца. И уже хотите забрать?

– Я, кажется, выразилась русским языком.

– Как желаете. – Та пожала плечами и протянула модно одетой посетительнице чистый бланк: – Пишите заявление.

Получив заявление, девушка задумалась, разглядывая его, и после паузы спросила вслух саму себя:

– Из какого же расчета делать возврат?

– Деньги можете не возвращать, – небрежно сказала Вероника. – Главное, чтобы мое объявление больше не публиковалось.

– А-а, ну это другое дело, – с явным облегчением произнесла приемщица, ее лицо повеселело. – Хорошо. Больше его не будет.

– Причем обязательно с ближайшей пятницы.

– С ближайшей или со следующей. Это уж как получится.

– Минуточку! – Женщина сделала предостерегающий жест рукой. – Не «как получится», а именно с ближайшей.

Приемщица бросила взгляд на заявление: узнать имя-отчество скандальной посетительницы.

– Вероника Сергеевна, бюллетень готовится заранее. Если этот номер уже сверстан, как мы оттуда уберем ваше объявление?!

«Так и есть – заартачились. Правильно Вольфганг предвидел», – подумала Вероника и с неожиданной для собеседницы злостью процедила:

– Меня это мало колышет. Это ваши проблемы. Объявление не должно появиться, и точка.

– Ну я не знаю, не могу обещать. Сейчас поговорю с ответственным секретарем. – Сняв трубку, она набрала номер. – Алексей Яковлевич, тут одна женщина пришла, хочет снять свое

объявление. Причем обязательно, чтобы его не было уже в эту пятницу... Я ей то же самое говорю, а она настаивает.

Почувствовав упорство невидимого собеседника, Вероника довольно бесцеремонно вырвала трубку из рук девушки и сказала:

– Алексей Яковлевич, если у вас имеются какие-то затруднения, мне очень хотелось бы поговорить с вами лично. Поверьте, это важно.

Ответственный секретарь велел приемщице, чтобы та заказала настырной посетительнице пропуск, и вскоре Вероника сидела в его маленьком, донельзя прокуренном кабинете. Алексей Яковлевич, кучерявый, очкастый мужчина среднего возраста, не поднимаясь со стула, дотянулся до ближайшей полки, взял подшивку и спросил:

– Какое ваше объявление?

Она показала.

– «Роскошная, ухоженная блондинка, 29—177—46, с шикарнейшей грудью № 8, пригласит к себе или приедет в гости к состоятельному господину в любой район Ярославля и подарит ему океан нежности. Круглосуточно», – прочитал вслух ответственный секретарь и с любопытством взглянул на посетительницу. Ему было интересно посмотреть на настоящую проститутку. А то он их толком и в глаза не видел – они сдают объявления в рекламный отдел, секретариат получает только тексты. Все это заочное знакомство. Тут же она сидела перед ним собственной персоной, и все соответствовало действительности: очень эффектная женщина. Таковую встретишь на улице, можно подумать, артистка, бизнесменша, художница, во всяком случае, интеллигентный человек. А это всего-навсего проститутка. – Так чем вы недовольны? – спросил он.

– Я хочу, чтобы мое объявление больше не появлялось в бюллетене.

– В следующую пятницу его не будет. Этот же номер практически готов. Уже пленки выведены. Как я его теперь сниму? Что вместо него появится – дырка?

– Алексей Яковлевич, – с подчеркнутой терпеливостью произнесла Вероника, – вы же прекрасно понимаете, что я не какая-нибудь соплюшка, первый раз вышедшая на улицу. Я дорогая женщина и являюсь частью системы, которой руководят очень серьезные люди. Всякие изменения тут делаются без объяснения причин. Во всяком случае, вам никто ничего объяснять не станет. Просто, если вы не выполните требования – я подчеркиваю – этих людей, у вас будут огромные неприятности. Вы даже не представляете какие.

– Ладно, – вздохнул ответственный секретарь и вдруг лучезарно улыбнулся: – А мне вы подарите океан нежности?

Поднявшись со стула, Вероника подошла к двери:

– Когда объявление печаталось, подарила бы. А сейчас – поздно.

...Через час, направляясь в столовую, Алексей Яковлевич столкнулся со своим приятелем, ведущим криминальной хроники из «Вечерних ведомостей» Мамаевым.

– Слушай, Коля, что за дела творятся в вашем мире, – посетовал он. – Завалилась сейчас какая-то дорогая шлюха, раскомандовалась, велела снять из этого номера свое объявление. Когда я заартачился, начала угрожать мне, намекать, что у нее солидная «крыша», в случае чего мне не сносить головы. Неужели у них так серьезно дело поставлено?

– Снять объявление? Чем же оно ей помешало?

– Я-то откуда знаю?

– Конечно, сутенеры их контролируют, и рэкет пасет, – сказал журналист. – Но для отказа от такого объявления должна быть особая причина. Тут что-то не то. Любопытно. Телефон ее не вздумай выбрасывать.

– Это невозможно сделать при всем желании. Один раз ее объявление уже публиковалось. Значит, телефон всегда можно найти в подшивке.

– Как зовут эту бабу? При случае поинтересуюсь.

- Записывай, а то забудешь.
- Обижаешь. С моей-то памятью!
- Вероника Сергеевна Горелкина.

Часть I

Честь семьи

Глава 1

Звонок незнакомца

Зеленодольск, расположенный в сорока пяти километрах от Москвы, представляет собой типичный райцентр и, несмотря на близость к столице, мало чем отличается от других российских городков такого же статуса. Летом пыльные, а зимой не чищенные от талого снега улочки; шумный рынок почти в центре и на расстоянии остановки от него автостанция, кое-где ее именуют автовокзалом; мелкий пруд, в котором от жары находят спасение и дети, и взрослые, – вот, пожалуй, все его достопримечательности. Недавно в Зеленодольске к ним прибавилась еще одна – отреставрированная церковь Непорочного зачатия. Раньше, когда все скрывали, что они верующие, постройка с прогнившими до прозрачности куполами имела жалкий вид, в ней ютились разные мелкие организации, а чаще она вообще использовалась как склад. После перестройки, когда стало боязно признаться в атеизме, храм передали верующим. Быстро нашлись деньги на восстановление, и теперь церковь Непорочного зачатия сверкает белизной стен и голубыми куполами.

Век назад в Зеленодольске можно было увидеть лишь несколько десятков ветхих избушек. С наступлением эпохи индустриализации наследие прошлого снесли, на их месте построили многоквартирные каменные дома для рабочих. Сначала здесь существовал кирпичный завод, потом появился механический, почти одновременно с ним стекольный, а затем возникла целая когорта машиностроительных, которые и в то время, и еще долго после именовали «почтовыми ящиками». Многие из этих заводов сохранились до сих пор. И вот что характерно: раньше они были засекречены, однако все горожане знали, что на них делают. Сейчас все открыто, секретности нет, но никто толком не знает, что производят эти заводы. Даже рабочие затрудняются ответить. Бесконечные приватизации и перепрофилирования, смены собственников, аренды и субаренды помещений вконец запутали привычную производственную картину, что отразилось на повседневной жизни города, в частности на преступности. На предприятиях производились массовые сокращения штатов, увольнения, полные сил и умения зеленодольцы маялись без работы и, как следствие, оставались без денег. Сейчас по уровню преступности Зеленодольск отличается от других российских райцентров в худшую сторону. Криминальная обстановка здесь напоминает московскую. Среди собственников крутятся огромные деньги, есть чему завидовать и что делить.

Молодому следователю городской прокуратуры Юрию Поливанову неблагоприятная обстановка в городе известна больше, чем кому-либо другому. Юрию Павловичу стукнуло двадцать восемь, он юрист второго класса, работает здесь третий год. Срок достаточный для того, чтобы хорошо изучить общую картину криминальной жизни. А вот с подробностями придется сложнее: их не принесут тебе на тарелочке с голубой каемочкой, за ними нужно постоянно охотиться, добывать в поте лица. В этом и заключается суть его работы.

Юрий Павлович был в прокуратуре на хорошем счету. Хотя поначалу многие сотрудники воротили носы: ну как же, парнишка явился по благу. Пристроил отец на солидное местечко. Павел Игнатьевич тогда, впрочем как и сейчас, был вице-мэром Зеленодольска. Правда, очень скоро злопыхатели попритихли. «Блатной» работал не хуже других, даже лучше, опасностей не боялся, интриг избегал, вот с ним и смирились. Более того – полюбили. Хороший был у

Юрия Павловича характер, и достоинств у него много обнаружилось. Такой в трудную минуту не подведет.

В этот январский понедельник Поливанов работал в своем хорошо освещенном кабинете. Он любил яркий свет, всегда сам покупал лампочки. Завхоз выдавал на шестьдесят ватт, а Юрий Павлович предпочитал стоваттные.

День сегодня выдался суетливый. Страна недавно пробудилась после навязанных ей правительством десятидневных новогодних каникул. Проснулась, потянулась, первую неделю разминала затекшие мышцы. Со следующей же начала функционировать в полную силу. За это время в домашних закромах скопилось большое количество идей для звонков в прокуратуру. Поэтому люди прорывались со своими разнообразными проблемами. Правда, сегодняшние жалобы представляли собой не более чем недоразумение. Просили найти заблудившуюся козу; наказать соседа, спилившего старый – ровесник Пушкина – тополь; оштрафовать пенсионерку, пригревшую у себя в квартире двадцать шесть кошек и двух овчарок. Больше всего времени отняла, судя по голосу, ехидная старушенция, которой техник-смотритель запрещала развешивать на чердаке выстиранное белье. «А ведь там и матушка моя сушила, и бабка, ейная матушка»...

И так целый день. Сам Юрий Павлович позвонил лишь исполнительному директору металлургического завода, договорился о встрече во вторник. Хотел выяснить у того кой-какие нюансы, связанные с убийством их бывшего гендиректора. Остальное время он готовил отчеты, подписывал повестки на допросы.

Без десяти шесть раздался очередной телефонный звонок, и Поливанов взял трубку.

– Здравствуйте, – послышался приятный мужской голос. – Мне посоветовали в приемной обратиться к вам.

– Слушаю вас.

– На первый взгляд ничего особенного не случилось, но все-таки я решил позвонить. Вчера моя жена ходила в магазин, а вернувшись, рассказала, что какой-то мужчина предложил ей купить сто долларов, одной бумажкой. Причем дешево, за две с половиной тысячи. Она и купила. Мы посмеялись: может, потому так дешево продал, что деньги фальшивые. Решили проверить, и вы знаете – купюра действительно оказалась фальшивой. Даже с обычной лупой заметно. Например, на той стороне, где нарисован зал Независимости, деревья отличаются от тех, которые изображены на настоящей купюре. Кажется, это даже видно невооруженным глазом.

– Нужно было для страховки зайти в какой-нибудь пункт обмена валюты, проверить.

– Да мне пункт обмена не попался. Я вообще-то приезжий, ваш город плохо знаю.

– Вы представьтесь, пожалуйста.

– Потоцкий Вадим Олегович, научный сотрудник, москвич. Мы с женой приехали в субботу вечером к товарищу на день рождения, сегодня уезжаем. Но я еще не все рассказал.

– Простите, что перебил.

– Ничего страшного. Значит, это случилось вчера, в воскресенье, – продолжил Потоцкий. – А сегодня мы с женой пошли в тот же магазин, и Лида увидела того самого типа, который накануне продал поддельную «бенджаминку». Честно говоря, я растерялся – милиции рядом нет, и вообще людей мало. Как мне одному скрутить жулика. Вдобавок аферист на вид достаточно крепок. И вдруг тот человек опять предложил продать нам по дешевке стодолларовую купюру. Видимо, он не узнал в моей жене вчерашнюю покупательницу, она была в другой куртке. Мы поняли, что деньги фальшивые, и все же купили. Знаете для чего?

– Кажется, догадываюсь, – улыбнулся Поливанов. Подобно многим дилетантам, собеседник в глубине души явно считал себя человеком, не лишенным способностей сыщика.

– Я подумал, что, если мы откажемся, этот тип будет топтаться у магазина, поджидая новых покупателей. А продав, он уйдет восвояси. Мне же хотелось узнать, где он живет. То

есть по всему было видно, что это местный житель. И точно – мы с женой незаметно последили за ним и узнали дом, где тот живет.

– И хотите сообщить нам адрес?

– В том-то и заковыка, что адреса мы толком не узнали. Это в поселке Ноготково, там нет названий улиц.

Действительно, в Ноготкове весь поселок поделен на кварталы, без названий улиц, словно в Японии. Это постоянная головная боль даже для местных жителей, не говоря уже о приезжих. Куда только люди не жаловались. Поливанов и сам сталкивался с этим неудобством.

Вадим Олегович сказал:

– Тут есть два варианта. Либо я нарисую схему расположения и пришлю по почте, либо непосредственно покажу вам этот дом.

– Вы сколько еще пробудете в Зеленодольске?

– Сегодня уедем, мне завтра на работу.

Поливанов подумал, что процедура с перепиской может затянуться. Даже в Москве из одного района в другой письмо может идти неделю. Вдобавок неизвестно, насколько расторопен этот Потоцкий. Безусловно, он заинтересован, чтобы вернуть потраченные на покупку фальшивок деньги, но все равно может оказаться «резинщиком» – сначала будет откладывать сочинение письма, потом долго носить в кармане, прежде чем опустит, могут возникнуть непредвиденные обстоятельства, – например, ошибется в адресе.

– Вадим Олегович, где вы сейчас находитесь?

– На Ноготковском шоссе, дом тридцать пять. Мой приятель тут живет.

– Если вы не против, я мог бы сейчас подъехать – и вы сразу показали бы мне преступное гнездо. Надо полагать, это займет не очень много времени?

– Да отсюда ехать максимум минут десять.

– А в Москву вы уезжаете на машине?

– На электричке.

– Могу вас потом и до станции подбросить, – предложил Поливанов.

– Нет, спасибо, я вернусь к товарищу. Мы после ужина поедем.

Юрий Павлович сказал, что подъедет к этому дому примерно через двадцать минут.

– Я спущусь и буду ждать вас у подъезда, – ответил Потоцкий.

Закрыв кабинет, Поливанов пошел вниз. На выходе он столкнулся с коллегой Сашей Костюшиным и спросил:

– Тебе куда ехать?

– Ты что, машину купил? – сразу догадался тот.

– Да, знаешь ли, пришлось совершить этот шаг. Не люблю общественный транспорт, – с наигранной серьезностью признался Юрий Павлович.

– Ну похвастайся.

Они подошли к новенькой «девятке» темно-фиолетового цвета, что называют «спелый баклажан». Мечтающий о собственной машине Костюшин искренне восторгался поливановским приобретением:

– Наверное, в ней действительно удобней, чем в автобусе. У меня складывается такое впечатление.

– Тебе куда ехать?

– На Фундуклеевскую.

– Жаль, старина, но мне катить аккурат в противоположном направлении – на Ноготковское шоссе.

– Чего ради? Ты же в центре живешь.

– Да звякнул сейчас незнакомый мужик. Свидетель преступления. Ждет на улице. Поэтому подвезу тебя в другой раз.

У Юрия Павловича это была первая машина, и месяца не прошло с тех пор, как купил. Новичку не терпелось блеснуть перед знакомыми и незнакомыми водительским мастерством, поэтому он с легкостью согласился подъехать к Потоцкому. Ему лишний раз за рулем находиться – хлебом не корми. Иначе зачем ездить на работу на машине, когда живешь недалеко, и тем более зимой. Гаражом он пока не обзавелся, по утрам приходилось долго разогревать машину, очищать от снега, да и ездить сейчас было опасно, скользко. Но охота пуще неволи – если идет вброс адреналина в кровь, тут уж не станешь смотреть на погоду!

По пути на Ноготковское шоссе Юрий Павлович был возбужден еще одним обстоятельством, а именно – звонком незнакомца. Именно звонок по-настоящему разволновал его, придал неестественную оживленность. Он старался держаться спокойнее, однако все мысли сейчас были об одном – узнать, где находится дом, в котором живет, можно не сомневаться, преступник, и это даст заметный толчок его работе, вернее, предыдущей работе. Дело в том, что сейчас прокурор города неожиданно отстранил его от ведения двух важных дел. Одно передал другому следователю, а второе прекратил производством.

Для Поливанова такое решение прокурора явилось поистине громом среди ясного неба. Ему казалось, он близок к успеху, почти довел оба дела до победного конца, и вдруг такой афронт. Первое дело – об убийстве троих местных предпринимателей – было приостановлено якобы по причине необнаружения обвиняемых по этому делу. Хотя Юрий Павлович возражал, просил продлить срок следствия, что дало бы ему возможность установить личности убийц. Он уже шел по следам, чувствовал их дыхание. Нет, это дело отдали другому следователю.

Второе дело было связано с фальшивыми деньгами. Прокурор Селихов прекратил его производством якобы из-за незначительности преступления: в городе обнаружили две поддельные стодолларовые купюры. «Две купюры, – возмутился Селихов. – Это же малозначительное дело. Тебе по плечу более грандиозные задачи. Зачем ты будешь бить по мелкоте?! Разве это масштаб твоего таланта! Сейчас, к шестидесятилетию Великой Победы...» Прокурор еще долго развивал тему, из-за которой Поливанову предстоит заняться двумя другими делами. Действительно, в них имелось «эхо войны»: одно касалось мошенника, воровавшего у ветеранов Великой Отечественной ордена и медали, подменяя их искусно сделанными муляжами. Второе возникло, когда оперативники угрозиска обнаружили крупнейшую партию старого оружия. Какие-то «черные следопыты» устроили в потайном погребе мастерскую, где реставрировали откопанные из-под земли стволы и занимались противозаконной торговлей пистолетами и автоматами. Непонятно было только, почему вдруг прокурор оказал «юбилейную» честь именно Юрию, одному из самых молодых следователей. С таким же успехом он мог поручить эти дела любому другому.

Особенно досадно было упускать дело о фальшивомонетчиках. У Поливанова на руках уже имелись доказательства того, что следы вели далеко за пределы Зеленодольска, в соседнюю область. Недоставало именно посреднического звена в их городе. Если он сейчас узнает давно разыскиваемый адрес, то дело, считай, будет завершено, и тут уже не важно, в чьем ведении оно находится. Как говорил поэт, сочтемся славою.

Переминаясь с ноги на ногу, Потоцкий поджидал его возле дома 35. Высокий, статный мужчина с удовольствием забрался в машину. Они обменялись рукопожатием.

– Вы хотя бы уши у шапки опустили, – посоветовал Юрий Павлович.

– Я же только что вышел из дома.

– А такое впечатление, что замерзли.

– Это чисто нервное, – улыбнулся Вадим Олегович. – Все-таки идем брать крупного зверя.

– Ну брать его сейчас вряд ли будем. Просто отметим берлогу, заберем колышки, а уж потом... Возьмем – глядишь, и денежки ваши вернутся.

– По логике вещей, я даже должен получить компенсацию за моральный ущерб.

– Про ущерб не скажу, не знаю. А вот за содействие следствию вы действительно заслуживаете приварок.

Они уже свернули с шоссе направо и теперь медленно ехали по узкой улочке с тянущимися по обе стороны сугробами. Вот и она кончилась.

– Сейчас опять направо? – уточнил следователь.

– Тогда вас заметят, – сказал Потоцкий. – Нам лучше здесь выйти, и я покажу дом... или проехать чуть-чуть вперед. Хотя дальше совсем уж паршивая дорога.

Может, какому-нибудь «чайнику» было и не проехать, а подлинному виртуозу руля, каким считал себя Юрий Павлович, плохая дорога не помеха. Он по любому снегу проедет. Нужно действовать строго по теории: не гнать, а двигаться на второй скорости, тогда и не забуксуешь.

Когда машина, успешно преодолев сугроб, остановилась возле кромки леса, Потоцкий, ничего не говоря водителю, протянул левую руку и выключил зажигание. Такая бесцеремонность озадачила Поливанова, он с удивлением посмотрел на своего пассажира. В это время дверца машины распахнулась – и в затылок следователю уперся ствол пистолета.

Глава 2

Место преступления

С тех пор как Юрию общими семейными усилиями купили однокомнатную кооперативную квартиру и он стал жить отдельно от родителей, у Поливановых постепенно сложился ритуал: сын звонил им дважды в день. Утром, перед уходом на работу, справлялся о здоровье, узнавал их пожелания. Мать изредка просила помочь в мелких хозяйственных делах, обычно связанных с электричеством. У Поливанова-старшего, который легко клевал на самую лживую рекламу, была неодолимая тяга ко всяческим новинкам. Он был в первых рядах приобретателей не только уже хорошо известных микроволновок или электрошашлычниц, но всякой экзотики типа массажера или освежителя воздуха. Время от времени что-либо из этого многочисленного хозяйства ломалось. Сам Павел Игнатьевич в технике разбирался плохо, а вот Валентина Олеговна – инженер-энергетик – могла бы. Но муж не мог позволить ей заниматься починкой, чтобы не чувствовать себя униженным. Поэтому все приходилось расхлебывать Юрию. Тот и повреждения определял, и предохранители заменял, и вставлял новые батарейки. Иногда приходилось выполнять и менее квалифицированные, но более трудоемкие работы, – например, прибавить крюк для очередного настенного украшения, полученного вице-мэром в подарок от делегации города-побратима.

Второй ритуальный звонок совершался вечером, когда Юрий приходил с работы. В отличие от постоянного утреннего, это было «плавающее» время, следователю часто приходилось задерживаться по делам, порой допоздна. К тому же не работой единой жив человек – он мог пойти в гости, завалиться с друзьями в ресторан, съездить в Первопрестольную. Да и знакомые женщины требовали внимания. Обычно Юрий сообщал родителям о своих планах. Однако сегодня он сказал, что вечером будет дома. Юрий учится в заочной аспирантуре и по требованию научного руководителя собирался срочно писать статью в сборник.

Родители тоже обычно не сидели сложа руки. Вице-мэр, как любой крупный чиновник, был загружен выше головы. Валентина Олеговна сейчас работала на электростанции. Она освождалась не рано, дома на нее наваливался ворох хозяйственных забот. Часов до девяти Валентина Олеговна никогда не беспокоилась, если сын не звонил, ведь на следователей порой сваливались неожиданные дела. Потом она сама позвонила сыну на мобильник, но тот был отключен. Тут она слегка заволновалась, но, пока муж был спокоен, Валентина Олеговна держала себя в руках.

В первом часу ночи родители уже не находили себе места. Павел Игнатьевич был уверен, что сын попал в аварию. Дороги скользкие, далеко ли до беды, особенно в час пик. Благо в городе не такие сумасшедшие скорости, чтобы говорить о серьезных последствиях. Наверное, помяли изрядно, и сейчас идет разборка с гаишниками – выяснение подробностей, составление протокола. В ДТП, скорей всего, виноват Юрий, у него нет опыта вождения, тем более зимой. Тут Павел Игнатьевич посыпал голову пеплом – нужно завтра обязательно намылить шею председателю комиссии по дорожному хозяйству, чтобы лучше убирали снег и обрабатывали дороги реагентами.

Только глубокой ночью Павел Игнатьевич решил позвонить в дежурную часть городского отдела милиции. По просьбе вице-мэра гаишники просмотрели все сегодняшние ДТП. Фамилия Поливанова в актах не фигурировала, его машина не упоминалась ни среди аварийных, ни среди угнанных.

Родителей охватили нехорошие предчувствия. Они старательно гнали их прочь – мало ли какие случайности встречаются на белом свете. Однако с каждой минутой тревога росла и крепла. Оба неподвижно сидели в креслах, с надеждой поглядывая на казавшийся им суровым телефонный аппарат. Вдруг тот все-таки зазвонит – и знакомый голос поведает о черед

вищих недоразумений, приведших к казусу, после чего вся нервозность покажется сущим вздором.

Звонок раздался в четыре утра. Трубку схватил муж.

– Павел Игнатьевич, говорит капитан милиции Росляков из розыскного отдела. Мне трудно приносить вам дурные вести, Павел Игнатьевич, но – служба такая. Найдена машина вашего сына...

– А сам он где? – закричал Поливанов.

– И Юрий Павлович найден. Он погиб.

– Где это произошло?

– Сам я еще не видел, мне патрульная группа сообщила. В поселке Ноготково, на самой окраине. Сейчас отправляюсь туда. Вам тоже необходимо приехать на опознание. Присылаю машину?

– Разумеется, если можно.

– Говорят, там страшное зрелище: и ножевые ранения, и пулевые. Наверное, его пытали. Я это к тому клоню, что вашей супруге, наверное, лучше остаться дома.

– А что делать, капитан, что делать! Где мы можем быть в такие минуты?!

Услышав ответы мужа, Валентина Олеговна потеряла сознание. Оставлять одну ее было нельзя, но и не ехать на место гибели Юрия он не мог.

Запиликал сигнал кодового замка – прибыла машина. Павел Игнатьевич попросил милиционера подняться. Вскоре в квартиру вошел молодой прапорщик, проникновенно сказав слова соболезнования.

– Право, не знаю, что делать. Нельзя же оставлять жену в таком состоянии, – сказал Поливанов, пытаясь привести жену в чувство.

Прапорщик предложил вызвать «скорую помощь».

– Не надо «скорую», – с закрытыми глазами простонала Валентина Олеговна.

– Я хотел поехать туда, к Юре, – извиняющимся тоном сказал муж.

– Поезжай.

– А как же ты?

– Ничего...

Прапорщик терпеливо стоял возле двери. Павел Игнатьевич накапал жене в бокал сердечных капель. Она спросила:

– Тебе не обязательно ехать?

– Меня, можно считать, вызвали – на опознание.

Эти слова привели жену в чувство:

– А вдруг это ошибка?

– С какой степенью уверенности патруль сообщил о гибели нашего сына? – обратился вице-мэр к милиционеру. – Выяснили по документам?

– Как раз все документы похищены.

– А как же тогда?

– Машину проверили – его. И Юрия Павловича в лицо знают.

– Вот тут возможны варианты, – решительно заявил Павел Игнатьевич. – Могли устроить инсценировку. Подбросить какого-нибудь бомжа, а Юрия похитить, чтобы получить выкуп. Или просто шантажировать.

– Бывает, – кротко кивнул прапорщик. Молодой человек прекрасно понял, какие чувства заставляли отца убитого высказывать лишённые всякой логики предположения. Утопающий хватается за соломинку. Рассчитано это было на то, чтобы приободрить жену, вселить в нее маленькую надежду. После этих слов она тоже решила поехать.

Валентина Олеговна машинально одевалась. Муж помогал ей.

По пути водитель и прапорщик несколько раз соединялись по рации с милиционерами, которые находились на месте преступления, уточняли дорогу.

Самые худшие предположения, увы, подтвердились. Возле новой «девятки» с разбитыми стеклами лежал труп Юрия. Милиционеры осветили его яркими фонарями.

Дальнейшее для родителей происходило словно в тумане. Заполнение протоколов, акта опознания, вопросы о подозреваемых, просьба вспомнить заслуживающие внимания подробности последних дней. Оперативники сами были потрясены зверской расправой над следователем. Понимали, что внятных ответов от четы Поливановых сейчас ожидать трудно. Через день-другой, глядишь, что-нибудь существенное они вспомнят. Пока же следует ограничиться уже имеющимися скудными сведениями и поискать свидетелей из окрестных домов. Кто видел подъезжающего сюда Поливанова или преступников, которые приехали на машине. Они оставили ее возле двух близлежащих изб. Одна оказалась заброшенной. Не было жильцов и в соседнем доме. Туда, судя по всему, хозяева приезжают только летом.

Подошедший майор милиции представился:

– Старший оперуполномоченный Шаповалов. Павел Игнатьевич, эту «девятку» мы отвезем в наш гараж, там следователи ознакомятся с ее содержимым. Ну а что касается сына... – Он беспомощно развел руки в стороны: мол, сами понимаете, бессилен я перед обстоятельствами, вынужден совершать скорбные действия: доставка в морг, вскрытие, экспертиза.

– Не лучше ли машину оставить здесь? – спросил Поливанов. – Реальная обстановка поможет воссоздать всю картину происшествия.

– Сегодня до вечера простоит тут. Может, свидетели объявятся. Вечером заберем. Тем более метель, через час-другой все вокруг снегом запорошит.

Безутешные супруги Поливановы уехали домой на той же машине, которая привезла их сюда. Отправив их, Шаповалов задумался, что делать с «девяткой»? Вообще-то ее действительно нужно оставить здесь и продолжить осмотр места происшествия при дневном освещении. Однако у Николая Михайловича имелось четкое указание начальника городского УВД Гордиенко сразу доставить ее в гараж. Придется так и сделать. Это не мешает искать следователям вещественные доказательства. А вот если машину сейчас оставить, всякое может случиться. Это только кажется, что вокруг ни души. На самом деле из своих домов, из неосвещенных комнат за ними может следить не одна пара глаз. Стоит уехать милиционерам, налетят мародеры за деталями, да и затопчут все вокруг. Прав начальник – нужно убрать машину погибшего от греха подальше.

Николай Михайлович усиленно пытался убедить себя в правильности таких действий, потому что в глубине души чувствовал их ошибочность. Он заранее сформулировал солидно звучащие ответы на те вопросы, которые рано или поздно задаст ему вице-мэр. В том, что это произойдет, майор ни капли не сомневался. Шаповалов даже примерно рассчитал время, когда Павел Игнатьевич захочет с ним встретиться. Пройдут похороны, затем Поливанов поинтересуется в прокуратуре, как идет следствие. Какое-то время ему будут морочить голову, ссылаться на объективные трудности, а когда прокуратура распишется в своем бессилии, вице-мэр предпримет новые усилия для того, чтобы разыскать преступников, и тогда на сцене опять появится Шаповалов, который своими действиями только помешал успешному следствию. И тогда майор, вынужденный выполнять приказ начальника УВД, окажется совсем в дурацком положении.

Похороны Юрия Павловича состоялись в четверг. Как всегда в таких случаях, они стали наглядным подтверждением популярности погибшего. На Центральном кладбище Зеленодольска собрались все свободные от дежурства «силовики» – сотрудники прокуратуры и милиции, сотни горожан, каким-либо образом сталкивавшихся с этим хорошим человеком, масса друзей, приехали родственники из разных городов. Коллеги родителей, сотрудники мэрии и ТЭЦ,

явились в полном составе. Такое внимание стало неоценимой поддержкой для супругов Поливановых. Поминки, череда визитов с соболезнованиями, необходимость заботиться об условиях для приезжих родственников – все это в какой-то степени хоть на время отвлекало от главного. Главным же было то, что сына не стало. По утрам, когда не было телефонного звонка с привычным Юриным «Как делишки?», Валентину Олеговну душили слезы.

Павла Игнатьевича, который годами не брал отпуск, сотрудники уговорили побыть несколько дней дома, рядом с женой, чтобы не оставлять ее в одиночестве. Он согласился, но все равно мысленно часто возвращался к работе, боялся, что какие-то дела без него не пойдут и потом трудно будет что-то поправить. Поэтому Поливанов подолгу говорил по телефону, и не только с сотрудниками мэрии, но и со многими из тех, кто собрался прийти к нему на прием.

Вскоре после похорон ему позвонил прокурор города Селихов. Виктор Николаевич сказал, что уголовное дело по убийству Юрия возбуждено, следователем назначен опытный Дмитрий Позолотин. Павел Игнатьевич не знал этого человека, даже не слышал такой фамилии.

– Он из породы трудоголиков, – одобрительно сказал прокурор. – Бренчать о своих успехах не станет, а к работе относится фанатично. Не жалеет ни времени, ни сил. Я его много лет знаю.

Через несколько дней после этого разговора вице-мэр позвонил Позолотину. «Трудоголик» с сожалением объяснил, что пока никаких существенных новостей у следствия нет. Следов мало, свидетели отсутствуют.

– Мы с Виктором Николаевичем каждый день по этому поводу совещаемся. Вы можете звонить прямо ему. Он в курсе всех дел.

Это прозвучало как намек на то, что ему следует поговорить с Селиховым.

Глава 3

Доброе имя

У главного законника города, то бишь прокурора, всегда своеобразные отношения с городскими властями. С одной стороны, он самостоятелен, является представителем федерального центра, которому официально подчиняется. С другой – прокурор не может существовать обособленно, словно гвоздь в доске. В прокуратуру постоянно поступают обращения от жителей, и на них нужно реагировать, то есть побуждать представителей исполнительной власти к осуществлению своих функций. А просьбы горожан касаются всех без исключения сторон жизни, начиная от военных и экономических и заканчивая требованием разобраться с голубятней, мешающей соседям. Прокурор связан со всеми земляками, в том числе и с высокопоставленными.

Прокурор Виктор Николаевич Селихов в Зеленодольске не был исключением из правил. Вроде бы и сам по себе – и в то же время один из столпов властной команды. Поэтому вице-мэр Поливанов заявился к нему по-свойски. Предварительно позвонил, тот радушно откликнулся, назначил время.

После приветственных рукопожатий Селихов предложил гостю присесть, сам же вернулся в привычное рабочее кресло за письменным столом.

– Виктор Николаевич, как продвигается следствие по поводу гибели Юрия? Есть ли кардинальные новости?

– Смотря что считать кардинальными новостями. У следствия постоянно появляются новые детали, новые соображения. Иногда существенные, иногда малозначащие. Иной раз наружу выплывет такая мерзость, что руки опускаются. Думаешь, может, плюнуть на все и прекратить расследование. Иначе, чего доброго, замараешь светлое имя человека.

– Надеюсь, вы не Юрия имеете в виду? – осторожно спросил Поливанов.

– Не Юрия, Павел Игнатьевич, не Юрия. – Прокурор раскрыл пачку «Мальборо» и предложил сигарету гостю. Оба закурили, после чего Селихов продолжил с видом человека, ныряющего в холодную воду: – Я имею в виду не Юрия, а его машину.

– Конкретнее, пожалуйста.

– Объясню, разумеется. Я ведь говорил вам, насколько дотошен этот Позолотин. Ни одной мелочи, дьявол, не упустит, готов исследовать каждую молекулу. Заметил между передними сиденьями машины Юрия следы белого порошка, пыльцу можно сказать. Другой бы на это ноль внимания. Машина новая, мало ли что там на заводе просыпаться могло. Но нужно знать Позолотина. Он отправил эти жалкие крупинки на химическую экспертизу. И что же вы думаете, Павел Игнатьевич? Наркотик. Самый что ни на есть натуральный метамфетамин в его первозданном виде. Есть такой нюхательный наркотик, его производят в Нидерландах. Я когда услышал о результатах анализа, меня чуть кондратий не хватил.

– Не хотите ли вы сказать, что Юрий баловался наркотиками?

– Боже упаси. Уж нам-то досконально известен тип людей, принимающих наркотики. Я сказал только то, что сказал, не более того. Налицо какой-то непонятный и в то же время неприятный даже не факт – фактик.

– Был ли обнаружен этот метамфетамин на теле или в организме? – спросил Поливанов.

– Результаты анализа пришли уже после похорон вашего сына. Раньше проверку не делали, потому что такая дикость просто не могла никому прийти в голову. Ведь Юрий Павлович наидостойнейший, наипорядочнейший человек. Разве можно увязать его имя с каким-нибудь плохим поступком! А теперь... – Прокурор в задумчивости побарабанил пальцами по краешку стола. – Не проводить же теперь эксгумацию.

– Если вопрос будет поставлен так – соглашусь. Уж своего сына я знаю!

– За время совместной работы я тоже успел его узнать – только с хорошей стороны. Поэтому такая находка выглядит диссонансом. Но ведь факт.

– Что же может скрываться за этим фактом? Юрий продавал наркотики? Помогал распространять?

– Вот вы, Павел Игнатьевич, задаете мне вопросы, на которые следствие пока не может дать ответа. Я думал, наоборот, вы что-нибудь подскажете.

Некоторое время они помолчали, не глядя друг на друга.

– Я думаю, наркотик ему подбросили, – с расстановкой сказал Поливанов.

– Когда?

– Наверное, после гибели.

– Зачем? – Селихов встал и зашагал вдоль стены по кабинету.

– Затем, о чем вы говорили вначале, – чтобы опорочить доброе имя.

Прокурор скептически усмехнулся:

– Вряд ли, Павел Игнатьевич. Доброе имя следователя для преступников не жупел. Это их не волнует. Всякие подброски делаются при жизни, когда хотят подвести человека под монастырь, инкриминировать ему обвинение. А сейчас эта хитрость малоэффективна.

– Естественно, кому-то хочется не только опорочить доброе имя, но и свалить на... – язык не повернулся произнести слово «мертвого», – погибшего вину. Мол, связался с какими-то темными личностями, наркоманами, – вот и результат.

– Такая версия напрашивается, – согласился прокурор. – Я сказал следователю. Однако это не облегчает его задачу. Все равно требуется узнать, каким образом метамфетамин мог оказаться в машине. Пока не удалось, намек на ясность нет.

Раздался телефонный звонок, и Виктор Николаевич долго обсуждал чей-то неполученный заработок за период содержания под стражей. Поливанов сидел с подавленным видом, как человек, столкнувшийся с чем-то, не поддающимся его пониманию. Когда прокурор закончил разговор, он сказал:

– Странно, что дотошный Позолотин ни разу не вызвал меня, ни о чем не спрашивал.

– Хотел, буквально каждый час порывался. Советовался со мной по этому поводу. Опасался – саднящая рана, можно ли дотрагиваться. Я просил подождать.

– Напрасно. Как заинтересованная сторона, я готов разговаривать. Вдруг чем-нибудь буду полезен следствию.

Не откладывая в долгий ящик, Селихов сразу позвонил следователю. Павел Игнатьевич надеялся, что тот сейчас находится в здании прокуратуры и не теряя времени зайдет в кабинет. Однако Позолотин, как назло, был на выезде – встречался с людьми, с которыми Поливанов-младший общался в тот трагический понедельник, незадолго до своей гибели. Следователь сказал, что, как только освободится, готов заехать к вице-мэру на работу. Тот же предпочитал заехать к нему – вдруг захочется посмотреть какие-нибудь документы. Договорились, что Позолотин будет ждать его к половине шестого.

Дмитрий Андреевич Позолотин, стройный мужчина сорока пяти лет, с тонкими чертами лица и пышным, слегка тронутым сединой чубом, встретил Поливанова очень приветливо. Он рассказал обо всем, что удалось установить следствию.

– Мотивы убийства и исполнители... – степенно начал Позолотин и написал эти слова на лежавшем перед ним листе бумаги, пронумеровав как два пункта. – Мотивы. Недавно во Владивостоке произошел дикий случай – бывший заключенный после отсидки застрелил троих человек: судью, обвинителя и свидетеля обвинения. Месть обидчика – весьма распространенная мотивировка преступлений. Сейчас мы интенсивно проверяем дела, которые Юрий Павлович передавал в суд. Начали с уже освободившихся осужденных и будем выходить на близкое окружение заключенных. Типичная рутина, требует времени.

– Наверное, нужно посмотреть и те дела, которые у него находились в производстве.

– Само собой. Мне кажется, с ними разобраться проще. Два дела у него недавно отобрали. Про фальшивые деньги вообще прекратили производством, другое – про убийство троих бизнесменов – передали Касаткину. Там подозревать месть маловероятно. Так же как и по двум принятым им: про «черных следопытов» и орденуносца... – Едва заметно улыбнувшись, Позолотин интонацией подчеркнул часть последнего слова – «уносца», намекая каламбуром на грабителя боевых наград. – Их тоже трудно принимать в расчет. Вряд ли преступники знали, кто пустился в погоню по их следам. Пока все наши подозрения весьма эфемерны. При соприкосновении с действительностью они улетучивались. Но мы продолжаем поиски.

– Откуда в машине мог появиться наркотик?

– Это одна из самых удивительных улик. Пока мы не обнаружили среди круга общения Юрия Павловича ни единого человека, связанного с наркотиками. Возможно, это из тех точек опоры, которые способны перевернуть землю. Но пока... – Следователь мимикой изобразил лицо человека, столкнувшегося с неразрешимой загадкой. – Я хотел узнать у вас, замечали ли вы какую-нибудь чрезмерную озабоченность сына, возможно, загадочную для вас? Упомянул ли он про угрозы? На что бы вы посоветовали следствию обратить внимание?

– Если вы спрашиваете мое мнение, мне кажется, нужно сделать упор на отобранных у него делах.

– Почему? Ведь не случайно дело о фальшивых долларах Виктор Николаевич прекратил производством. Две купюры – мало ли каким ветром их могло занести сюда.

– Согласен, – разгорячился Поливанов. – А вот от трех убийств никуда не деться. Они произошли здесь.

– Но Юрий Павлович не разыскал обвиняемых в срок. Он был далек от финала.

– Поймите меня правильно. Я не готов полемизировать с вами, да и не собираюсь – смысла нет. Просто мне хотелось поискать в споре истину.

– Понимаю, – кивнул следователь. – Тоже сейчас бьемся над этим. Что касается второго пункта – исполнителей, тут тоже полный мрак. Нет свидетелей. Преступление было задумано весьма хитро. Придется собирать косвенные доказательства, и тут всякое лыко в строку.

– К сожалению, не смог вам помочь. А хотел. Если я что-нибудь вспомню или узнаю, обязательно позвоню. У меня есть определенные навыки в розыскной работе – до выхода в запас я был военным прокурором.

– Даже так? – удивился Позолотин. – Действительно, вы сможете помочь, и я вас заранее благодарю.

– Надеюсь, вы понимаете, что я не собираюсь конкурировать с вами. Наоборот – мы союзники, у нас одна цель. Но бывает, один замечает то, что случайно выпадает из поля зрения другого. Чем больше глаз, тем лучше. Если мне вдруг удастся обнаружить что-либо существенное, сразу же сообщу.

– Только действуйте осторожней, – посоветовал Дмитрий Андреевич. – Сейчас пошел такой безбашенный криминал, что дальше некуда.

– Днем вы сказали, что встречаетесь с людьми, с которыми мой сын общался в последний день жизни. Это те, кто приходил к нему на прием?

– Кто звонил ему по телефону. Все звонки в прокуратуру записываются, у нас есть определитель номеров. Вот я и поговорил с теми, кто ему звонил. Пока уцепиться не за что, все очень безобидно.

О том, какие улики удалось обнаружить оперативникам на месте преступления, Павел Игнатьевич даже спрашивать не стал. Следователь же ясно дал понять, что никаких следов нет.

Поливанова и расстраивала нерасторопность следственной бригады, и в то же время язык не поворачивался осуждать сыщиков. Ведь они ведут единоборство с прячущимся соперником, который к тому же всегда имеет, порой значительную, временную фору. Преступники стара-

ются действовать втихую, применяют всяческие хитрости, лишь бы оперативники не напали на их след. У них существует целая наука маскировки. Странно, что эти еще действовали достаточно прямолинейно. Заманили Юрия в ловушку и убили. В том, что сын попал в ловушку, можно не сомневаться. Иначе нечего ему было делать вечером на пустынной окраине поселка Ноготково. Причем поехал он туда, скорей всего, неожиданно. Может, хоть кому-то из сотрудников о чем-то проговорился.

– Семнадцатого числа вечером кто у вас дежурил? – спросил Павел Игнатьевич стоявшего на выходе охранника.

– Семнадцатого? – переспросил тот. – В понедельник? Ну и я здесь был в ту смену.

– Вы случайно не помните, Юрий Поливанов, это мой сын, один выходил из прокуратуры или вместе с кем-то?

Охранник с извиняющимся видом покачал головой:

– Совершенно не помню. Такая мелочь редко запоминается. Вроде один. Но не поручусь. Если бы заранее знать...

– Вас, кстати, уже спрашивали об этом?

– Нет, вы первый.

Понятно, следствие не может заниматься сбором столь мелких подробностей. Там в первую очередь интересуются глобальными вещами. Может, он и сумеет им помочь, если попытается пройти по следам сына. Следователи в спешке могут пропустить какие-то детали. Те же, глядишь, помогут расставить все по своим местам. Такие случаи встречаются сплошь да рядом. Самому вице-мэру не с руки ходить, как филеру, по прокуратуре и спрашивать, кто последним видел Юрия, нужно попросить кого-то из здешних сотрудников. Кроме Селихова у Павла Игнатьевича тут есть одна знакомая – Кристина Лазаревская, помощник прокурора. Не хотелось к ней обращаться, да, видимо, придется.

Кристина была близкой приятельницей Юрия. Оба прекрасно знали расхожую истину, что на работе романов заводить не стоит, и, подобно тысячам других людей, этим постулатом пренебрегали. Хотя своих отношений они не афишировали, на многочисленных сборищах вместе не появлялись, встречались тайно, но в маленьком городке все тайное рано или поздно становится явным. Тем более что встречались молодые люди длительное время, во всяком случае больше года, и дело явно катилось к женитьбе. Правда, такому шагу противодействовали родственники с обеих сторон.

Кристина была единственной дочерью известного ростовского адвоката Максима Лазаревского. Преуспевающий отец обладал жестким и упорным характером, у него имелись свои соображения насчет будущего дочери, в соответствии с которыми он присмотрел для нее будущего супруга. Правда, сватовские замашки в наши дни выглядят старомодно, поэтому на его пути возникли чисто технические трудности, связанные с процедурой знакомства. Однако от своих желаний Максим Максимович не отказывался. Человек, которого он прочил себе в зятя, владел фирмой, занимавшейся экспортом цветных металлов. Дела у него шли блестяще, обороты росли. Адвокат не сомневался, что такой энергичный человек Кристиночке понравится. Да и она ему – против чар его эффектной дочки вряд ли кто мог устоять.

Кристине в октябре стукнуло тридцать. Это была статная, большеглазая брюнетка с прекрасной фигурой. Если бы не начавшая проявляться склонность к полноте, ее фигуру можно было бы назвать идеальной. Она всегда ходила в туфлях на шпильках и одевалась с изяществом и аккуратностью. Был случай, когда Кристине было нужно появиться во второй половине дня на каком-то торжественном мероприятии и выступить с речью. Так она, выгладив с утра юбку, за весь день ни разу не присела! Читала материалы, стоя возле стула.

Выдержанную, всегда приветливую и благожелательную на вид Лазаревскую сильно угнетало одно обстоятельство: череда аборт в молодости привела к тому, что она не могла иметь детей. Для ростовского медно-алюминиевого короля это не являлось препятствием для брака.

У него было двое детей от предыдущей жены, которые еще школьниками до такой степени истрепали ему нервы, что он и не помышлял о новом потомстве.

Совсем иначе смотрели на бесплодие Кристины в клане Поливановых. У Юрия от первого брака не было детей. А родители, как ни крути, мечтали о внуках и продолжении рода. Поэтому перспектива брака Юрия и Кристины их привлекала мало.

Лазаревская знала, что родители Юрия не жалуют ее, относятся хоть и вежливо, но с прохладцей. Однако сейчас, когда ситуация разрешилась трагическим образом, на прежнюю конфронтацию можно закрыть глаза. На похоронах и на поминках Поливановы обращались с Кристиной как с членом своей семьи. Видели, что она тоже очень тяжело переживает смерть Юрия.

Она обрадовалась, когда Павел Игнатьевич позвонил ей. Вице-мэр попросил разузнать, с кем из сотрудников Юрий разговаривал перед уходом с работы. Кристина охотно взялась выполнить эту просьбу. Тут ведь речь идет не просто о помощи Юриным родителям, нужно помочь разыскать его убийц, то есть ее врагов.

В тот же день Кристина выяснила, что последним из работников прокуратуры с Юрой общался Костюшин, и попросила, чтобы тот позвонил Павлу Игнатьевичу.

– Я вышел из прокуратуры почти в одно время с Юрием, в самом начале седьмого. Он показал мне свою машину, предложил подвезти, – рассказывал Александр. – Я живу на Фундуклеевской, он говорит: «Мне, к сожалению, в другую сторону, на Ноготковское». Я и удивился – знаю, что его квартира в центре, и спросил, что он там забыл. Он говорит: «Звякнул мне сейчас один свидетель преступления. Ждет на улице». На том и расстались.

– Александр, вы постарайтесь вспомнить, что Юрий говорил дословно. Вы понимаете почему. Преступление подготовлено весьма искусно. Поэтому тут важна всякая малость.

– Следователи меня ни о чем не спрашивали.

– Если выяснится что-либо существенное, передам им. Я заинтересован в установлении истины не меньше следствия.

В конце концов Костюшин с большой долей вероятности припомнил, что первые слова Юрия звучали так: «Звякнул мне сейчас незнакомый мужик».

– Спасибо. Такое уточнение облегчит поиск. Многих свидетелей по разным делам он знал. Уже можно будет делать отсев, – сказал Павел Игнатьевич и спросил: – В прокуратуре регистрируются звонки по определителю номеров?

– Да. Я сам этим пользовался.

Среди многих заводов в Зеленодольске один из самых известных ЗТА – Завод телефонной аппаратуры. Благодаря этому здесь техническая оснащенность многих организаций была не хуже, чем в иных областных центрах. Когда звонки регистрировались, можно было узнать, кто с каких телефонов звонил. Павел Игнатьевич навел справки – чтобы получить распечатку номеров, необходимо было принести заявку. Получить такую бумагу вице-мэру не составило большого труда.

Съездить за распечаткой Поливанов попросил своего водителя. Когда тот вернулся, Павел Игнатьевич позвонил начальнику отдела связи, чтобы поблагодарить за оказанную любезность.

– Знал бы я раньше, сразу бы отксерил для вас второй экземпляр, – добродушно ответил тот.

– То есть следователь уже брал такой список.

– Конечно.

Интересно, проверил Позолотин список или нет. Если проверил, то Поливанову не придется делать лишнюю работу. Он собрался позвонить Позолотину, однако в последний момент передумал: вдруг следователь болезненно отнесется к его инициативе, решит, что вице-мэр ему не доверяет.

Павел Игнатьевич решил проверять список с конца – со звонков, случившихся ближе к уходу Юрия с работы. Самый последний был без десяти шесть, звонили с мобильного телефона с федеральным номером. Когда Поливанов установил, кому принадлежит телефон, то был озадачен – аппарат зарегистрирован в Ярославле.

Глава 4

Хлебное место

У Вероники Горелкиной имелись два сильных увлечения, без которых ее трудно представить: курение и чтение. В последнее, благополучное для себя время она, маявшись от безделья, особенно много курила и читала, чаще всего совмещая оба занятия. Не стало в этом смысле исключением и нынешнее, по ее понятиям, утро – было двенадцать часов. Полулежа на диване, она дымила сигаретой и увлеченно читала книгу «Убить мента», когда к ней заявила ее близкая подруга Люся.

Люся принадлежала к числу увлекающихся натур, чьим предназначением служит следование моде во всех ее проявлениях. Как и многие ее продвинутые ровесники, она интересовалась бизнесом. Не имея специального образования, Люся надеялась на природную сообразительность и хваталась за любую привлекательную идею, независимо от того, сама придумала это или кто-то подсказал.

Сначала ей показалась заманчивой торговля поддельной фирменной одеждой. Она с энтузиазмом уговаривала Веронику заняться этим бизнесом, все уши прожужжала ей про то, что выгода от торговли подделками – Люся называла это по-английски «фэйком» – сравнима с доходами от продажи наркотиков и оружия: триста двадцать процентов навару. Откуда она взяла столь точные данные, одному богу известно. Утверждала, что перед таким искушением, как продажа фальшаков, не могут устоять владельцы многих модных магазинов. Выставляют откровенный «фэйк», забывая о приличиях. А уж про оптовые рынки и говорить нечего. Там все держится на контрафактной продукции.

Открыть дело самостоятельно у Люси была кишка тонка. Тут понадобится солидный первоначальный капитал, которым она не обладает. Люся работала в кафе официанткой и доходы имела не слишком большие. Самой крупной единовременной суммой, полученной Люсей за двадцать восемь лет жизни, были деньги, которые однажды заплатила женщина, сбившая ее машиной. Пожалуй, «сбившая» – слишком громко сказано. Машина легонько толкнула Люсю, когда та собиралась перейти улицу. Правда, этого толчка оказалось достаточно, чтобы она упала на асфальт и запачкала светлое пальто. Никаких телесных повреждений не было и в помине. Однако Люся подняла страшный шум, грозила нерадивой водительнице дьявольскими карами. Чтобы отвязаться от крикливой пострадавшей, женщина не сходя с места заплатила за причиненный ущерб все наличные деньги – пятьсот долларов. Для Люси это был подарок судьбы, такую большую сумму она отродясь в руках не держала. Однако таких денег для открытия собственного дела все равно не хватало, – значит, нужно было искать компаньона.

От «фэйка» Вероника с грехом пополам отбилась. Объяснила, что покупка квартиры сожрала почти все сбережения. Сегодня Люся пришла с еще более выгодным предложением:

– На улице Чапаева продается пекарня, считай, даром. Дело налажено, есть сотрудники, есть договоры на поставки готовой продукции. Нужно только выкупить у хозяина акции – и больше никаких забот. Будем грести деньги лопатой.

– Если это так выгодно, почему он продает?

– Тебе-то какое дело! – Люська всегда грызлась, если ее пытались уличить в неточности. – Продает, – значит, деньги нужны. Кажется, он собирается наладить бизнес в Москве.

– А то там без него хлеба не хватает. Ну, предположим, купим мы пекарню. А дальше что? Я в этом деле ничего не понимаю.

– Владельцу понимать не обязательно. Там есть кому понимать. Есть технолог, то есть дипломированный пекарь, есть тестомес, шофер, продавщица, бухгалтер. Машина уже отлажена, конкуренции никакой – за версту нет ни одной булочной. Все жители будут покупать хлеб только у нас. Вдобавок у тебя будет лежать трудовая книжка.

– На хрен она мне сдалась!

– Ну как же, – растерялась Люся. – Когда-нибудь пенсию придется оформлять, будет стаж.

– Не смей меня, – сказала Вероника. – Неужели ты думаешь, я буду до пенсии жить в этой поганой стране!

Тем не менее, поддавшись штурму и натиску подруги, она съездила с ней на улицу Чапаева, посмотрела, что представляет собой пекарня, познакомилась с тамошними сотрудниками, и ей показалось, что это действительно выгодная затея. В итоге она решила завтра поговорить об этом с Вольфгангом.

На следующий день Вероника подробно рассказала Вольфгангу про пекарню и попросила денег.

Тот долго смотрел на нее немигающим взглядом. У него были странные светло-голубые глаза: иногда они казались очень ясными, а иногда – мутными.

«Она или просто идиотка, или дьявольски хитра, – подумал Вольфганг. – Если в самом деле считает, что я возьму ее с собой в Германию, то просто дубина стоеросовая. Если это проверка, то очень ловкая. Надеется, я скажу, зачем тебе, дорогая, покупать пекарню, такую обузу, если все равно мы с тобой скоро отсюда уезжаем».

Склонившись к тому, что Вероника просто хитрит, он так и сказал. Красотка принялась объяснять все преимущества столь выгодного приобретения. «Для тебя это не такие уж большие деньги, зато будет постоянный доход. Сейчас все умные люди вкладывают средства во что-то. Впрочем, так всегда было», – настаивала Вероника.

Вольфганг пообещал при случае поговорить с шефом.

Шеф прореагировал на эту просьбу не моргнув глазом. Ему не пришлось даже объяснять всех плюсов и минусов такой сделки. Он только велел уточнить подробности: помещение является собственностью пекарни или арендуется. Если это собственность, тогда нужно покупать не раздумывая. На худой конец можно загнать оборудование и сдавать домик в аренду. Так или иначе, это беспроигрышное вложение капитала.

– И еще нужно узнать, как придется платить: наличными или через банк, – подсказал Вольфганг.

– Это я тебе и так могу объяснить, – ответил шеф. – Часть в любом случае придется давать наличными. Даже если между юридическими лицами заключается договор, то в нем будет указана меньшая сумма, чтобы налоги не увеличивать. А разница отдается под расписку.

– Может, в наличные и подсунуть фальшивые доллары? – осторожно спросил Вольфганг.

– Отчасти для этого, мил-человек, я и благословлю Веронику на покупку. Иначе бы эта дурочка черта лысого от меня получила. К тому же мне хочется посмотреть, насколько ты отточил свое мастерство.

Глава 5

Ужин в загородном ресторане

Последние дни Поливанова не покидало ощущение нереальности происходящего. Сына нет; сам он обращается за помощью к Лазаревской, которую раньше не жаловал; последним Юрию звонил человек с аппарата, зарегистрированного в Ярославле. Есть от чего прийти в недоумение.

Сделав первые шаги в самостоятельном расследовании, Павел Игнатьевич понял, что роль частного детектива ему не по силам. Если бы все происходило лишь в Зеленодольске, где его хорошо знают и ему многое знакомо, еще куда ни шло. Но вот потребовалась первая отдаленная проверка факта, и тут он вынужден спасовать, потому что требуется посторонняя помощь. Хотя кое-что удалось разыскать и не покидая своего города. Например, установить, кому принадлежит мобильник, с которого звонили в прокуратуру. Здесь прямо все из области фантастики: думали ли наши недавние предки, что будут существовать определители номеров?! И что по номеру можно будет выявить имя человека и его домашний адрес.

Ладошкин Ростислав Григорьевич, проживает в Ярославле. Скорее всего, человек этот ни при чем, не станет преступник звонить со своего собственного телефона. Наверное, мобильник у этого ярославца, с такой уютной, располагающей фамилией, украли. Но вдруг он знает, при каких обстоятельствах это произошло, и что-то подскажет. Вдруг название Зеленодольска позволит ему увязать имеющиеся разрозненные подозрения в единое целое – и это поможет Поливанову разыскать убийцу, а Ладошкину вернуть аппарат.

Человек с фамилией Ладошкин представлялся Павлу Игнатьевичу круглолицым, с носом бульбочкой и маленькими голубыми глазками, обязательно в кепочке. Наверное, он очень добрый и постоянно улыбается. Жаль, у него нет простой возможности познакомиться с этим человеком, придется опять просить о помощи, на этот раз – милицию.

В пятницу днем вице-мэр позвонил начальнику городского УВД Гордиенко. Он поведал ему в двух словах о своих расследованиях. Сказал, что хотел бы уточнить адрес ярославского обладателя мобильного телефона. Сообщил, что будет пытаться найти свидетеля.

– Да у вас прямо талант! – хохотнул Альберт Васильевич. – Дар божий! Может, пойдете ко мне в сыскари? А то у меня с кадровым вопросом полный пердимонокль.

Потом, посерьезнев, главный городской милиционер записал все данные неведомого Ладошкина.

– Я сейчас же телеграфирую ярославцам и попрошу собрать все нужные сведения о нем, – пообещал он. – Пусть пробьют по информационным базам его личность.

Разговор с балагуром Гордиенко несколько приободрил Павла Игнатьевича, а то он в последнее время совсем скис. Во вторник было девять дней со дня гибели Юрия. Помянуть сына собрались у Поливановых дома. Хоть и просторная у вице-мэра квартира, да невозможно было всем поместиться. Некоторым гостям, из тех, что помоложе, пришлось стоять. Хорошо хоть, не все в одно время пришли. Некоторые заходили ненадолго, уходили, потом появлялись другие, и так целый вечер. У Поливановых вообще все это время постоянно кто-нибудь гостил. Многие родственники, приехавшие на похороны, не вернулись сразу домой, а так и ждали девяти дней в Зеленодольске. Кое-кто не смог прибыть на похороны, а приехал только сейчас. В частности, таким оказался давний друг Поливановых, московский бизнесмен Игорь Матвеевич Лагман.

Лагман учился вместе с Валентиной Олеговной в энергетическом институте, так что дружили они еще со студенческих времен. Его молодежное прозвище Флагман у них до сих пор в ходу, хотя с расширением популярности узбекской кухни, в частности лагмана, появилось у Игоря Матвеевича и другое, образованное простой перестановкой ударения в его фамилии.

Если учесть гастрономические пристрастия Игоря Матвеевича, такую выдумку можно считать весьма удачной. Юрку он знал с рождения. Со временем товарищеские отношения Лагмана и Поливановых дополнились и деловыми. На заре перестройки Игорь Матвеевич сколотил компьютерную фирму, которая худо-бедно дожила до нынешних дней. Дела шли по-разному: то хуже, то лучше, но в общем и целом эта небольшая компания функционировала безбедно. Как любил говорить сам Лагман, на табачок хватало. Поливанов, особенно став вице-мэром, при случае обязательно поддерживал друга. Услышит, бывало, что какое-нибудь зеленодольское предприятие собирается обзаводиться компьютерами, сразу спрашивает: мол, где будете покупать? И тут же обязательно советовал: поезжайте лучше к моему московскому знакомому. Игорь Матвеевич человек проверенный, обслужит без обмана, если вдруг претензии к товару появятся, безропотно заменит, наладит. Поэтому в становлении и расширении лагмановской фирмы есть и толика его забот.

Когда незадолго до Нового года друзья разговаривали по телефону, Игорь Матвеевич вскользь упомянул о том, что намеревается организовать в соседней области филиал своей фирмы. Где-нибудь во Владимирской или в Калужской, чтобы рынок расширился и в то же время его было легко контролировать, без накладных расходов. Намотал на ус Поливанов эти слова, появилась идея – уговорить Лагмана, чтобы тот осел в их городе. Зеленодольск тоже достаточно оживленное место для успешной торговли. Мэрия райцентра заинтересована в том, чтобы заполнить фирму с хорошими традициями, а потому он мог рассчитывать на льготные условия.

Договорились, что Игорь Матвеевич заедет к другу в пятницу и они неспешно потолкуют о делах. Приехал, а у Поливановых еще полон дом гостей – не все родственники разъехались.

– Пойдем в какую-нибудь общепитовскую точку, – предложил Лагман.

Павлу Игнатьевичу не хотелось идти в ресторан. Он в городе заметная фигура, наверняка кто-нибудь его узнает, потом станут чесать языками: мол, сын на днях погиб, а отец уже по ресторанам гуляет. Но и оставлять московского гостя голодным тоже не с руки, это уж совсем позор.

– Есть тут под Зеленодольском ресторан «Старая мельница», – сказал Поливанов. – Он на шоссе, там народу мало.

Лагман приехал из Москвы на машине, а без выпивки в ресторане сидеть нелепо. Друзья договорились, что свою «хонду» он оставит возле поливановского дома, а в «Старую мельницу» и обратно съездят на такси.

Через полчаса друзья входили в ресторан, построенный недавно на месте заброшенной водяной мельницы. На стенах висели старые мукомольные предметы, неизвестно откуда взявшиеся, но вызывавшие зависть даже у сотрудников краеведческого музея. За стеной вода вращала чудом сохранившееся, а теперь отреставрированное мельничное колесо. Мерный шум ручья завораживал посетителей не хуже любого оркестра. Казалось, долго шел усталый странник, пока не встретился на его пути домик с гостеприимными хозяевами. Несколько столиков было установлено в маленьком зале, а большая часть прилепились к стенам, отделенным декоративными деревянными решетками, украшенными искусственными головками подсолнуха. На каждом столике стоял светильник, стилизованный под керосиновую лампу. Большая люстра в зале распространяла приглушенный свет.

Как и следовало ожидать, посетителей в ресторане было мало. Объяснялось это не столько временем дня, сколько временем года. Зимой на шоссе гораздо меньше проезжающих, чем летом. Лагман и Поливанов заняли столик в дальнем от входа отсеке. Лишенная ресторанной оживленности обстановка сейчас вполне соответствовала их настроению. Еду заказали самую что ни на есть простую, без особых изысков: салаты, фирменное жаркое в горшочках, бутылку водки.

Первую выпили не чокаясь. Разговаривали о Юре. Лагман вспоминал случаи из его жизни, про которые Павел Игнатьевич или забыл, или не знал вовсе. Вице-мэр поведал о печальных новостях, рассказал, что Юрия заманил в ловушку незнакомец, позвонивший с мобильного телефона, зарегистрированного в Ярославле.

К деловой части встречи – по поводу организации зеленодольского филиала лагмановской фирмы – перейти не успели. Только Поливанов заикнулся об этом, когда неожиданно в зале появились пятеро мужчин в камуфляжной форме с нашивками ОМОНа и натянутых на головы масках. Каждый вооружен короткоствольным автоматом. Они пересекли зал и остановились возле столика, за которыми сидели вице-мэр и бизнесмен.

– Вы гражданин Поливанов Павел Игнатьевич? – спросил один из них. Вице-мэр молча кивнул. – Попрошу вас пройти с нами.

– Для чего?

– Вы арестованы.

– Арестован? Помилуйте, за что? Очевидно, произошла ошибка.

– Сами прекрасно знаете за что, – ответил командир.

– Пожалуйста, предъявите ваши документы.

Услышав это, двое дюжих омовцев со словами «Он еще будет права качать» бесцеремонно подхватили Поливанова под руки и, не слушая его увещаний, буквально выволокли из зала. Остальные милиционеры вышли за ними следом. Один из них с такой силой стукнул поднявшегося было Игоря Матвеевича по шее, что тот, охнув, рухнул на стул.

Все произошло настолько стремительно, что ни редкие посетители, ни официанты не среагировали на показанное «маски-шоу». Они как сидели или стояли на своих местах, так там и оставались. Застывшая обстановка напоминала немую сцену из гоголевского «Ревизора». Какое-то время люди даже перестали разговаривать между собой.

Игорь Матвеевич был не столько перепуган происшедшим, сколько ошарашен его внезапностью. Он не знал, нужно ли сразу звонить Валентине Олеговне, огорчать ее. Вдруг это недоразумение и все в скором времени выяснится. Решил сначала выйти из ресторана, посмотреть, что там делается. Возможно, у Павла Игнатьевича проверят документы – и сейчас он вернется.

Потирая ноющую шею, Лагман вышел на крыльцо и не увидел никого из участников инцидента: ни Поливанова, ни омовцев, ни машины, на которой могли приехать как минимум пятеро здоровяков.

Вернувшись за столик, бизнесмен расплатился с официантом, после чего позвонил Валентине Олеговне:

– Валя, тут произошла чистой воды чертовщина. Мы сидели в «Старой мельнице». Вдруг сюда ввалились пятеро омовцев с автоматами, сказали Павлу, что он арестован, и увезли его.

– Куда?

– Не знаю. На меня вообще смотрели, как на пустое место. Следили, лишь бы не двигался. Я пытался у них спросить – все равно что разговаривать с кирпичной стеной. Я сейчас приеду.

– Приезжай. Буду узнавать.

К тому времени, когда вернулся Лагман, Валентина Олеговна обзвонила всех зеленодольских силовиков. Прокурор и начальник милиции только диву давались: никакого приказа о задержании вице-мэра они не давали. Поливанова принялась названивать в Москву. Ни в ФСБ, ни в МВД об аресте Поливанова никто не слышал. По многоступенчатой цепочке Валентина Олеговна дозвонилась до областной прокуратуры, потом до Генеральной – везде получала ответ: о задержании Поливанова никто распоряжения не давал.

Один из родственников Павла Игнатьевича высказал предположение о выкупе. Остальные засомневались: вице-мэр не банковский воротила. На какое богатство могли рассчитывать похитители? К тому же они не могли не знать о трагедии в семье Поливановых.

– Нет, тут что-то другое, – сокрушенно повторяла Валентина Олеговна.

Легко представить, какую ночь провели обитатели поливановской квартиры. Они не спали, лишь под утро кое-как от усталости забылись в полудреме. А на рассвете были разбуджены телефонным звонком.

Глава 6

Черная метка

Дней десять назад заместитель генерального прокурора по следствию Меркулов узнал про убийство молодого прокурорского следователя из Подмосковья. Об этом Константину Дмитриевичу рассказал знакомый преподаватель из Академии МВД. Погибший Юрий Поливанов учился у него в заочной аспирантуре. Это был хорошо воспитанный и образованный парень, прирожденный юрист.

Узнав о зверской расправе, Меркулов рассвирепел. Черт знает что творится! По стране пошло новое веяние: работников правоохранительных органов отстреливают словно зайцев. Убивают сотрудников милиции, прокуратуры, судов, чекистов. И зачастую это совершается с иезуитской хитростью. Через три дня Константин Дмитриевич поинтересовался в районной прокуратуре, как идет расследование убийства Юрия Поливанова, и тамошний прокурор дал понять, что на горизонте маячит очередной «глухарь» – никаких следов. Ясно только, действовал не одиночка, преступление было тщательно подготовлено и совершено большой группой лиц.

Трагедия случилась семнадцатого января. А сегодня, не прошло еще двух недель, Меркулову сообщили про убийство отца Юрия Поливанова, вице-мэра этого городка. Вопиющие преступления наделали в городе много шума, зеленодольская общественность заволновалась. В прокуратуры разных уровней, вплоть до Генеральной, посыпались петиции, телеграммы, письма – индивидуальные и коллективные. Люди возмутились неудержимым разгулом криминала в городе, бессилием правоохранительных органов, слабостью властей. Меркулов вызвал к себе на ковер прокурора Зеленодольска Селихова. Сначала он предлагал ограничиться основательной накачкой по телефону. Однако быстро передумал – чувствовал, что дела придется забирать в Генеральную прокуратуру. Интуиция подсказывала, что так нужно. Зеленодольск находится под боком у столицы, а возможностей у московских следователей было побольше. Поэтому на встречу с Селиховым он пригласил и старшего следователя по особо важным делам Александра Борисовича Турецкого, свою правую руку. Они плодотворно сотрудничали уже много лет, так что ему не помешало бы сразу войти в курс дела. Скорее всего, именно ему он поручит расследование убийства отца и сына.

– Пришло коллективное письмо рабочих дизельного завода, – сказал Константин Дмитриевич.

Под его взглядом Селихов пожегился, будто ему стало холодно.

– Сами понимаете, меньше всего в нем говорится о том, какими распрекрасными людьми были погибшие следователь и вице-мэр, – продолжал Меркулов. – Люди беспокоятся о себе, о повседневном существовании своих близких. Что у вас творится?!

– Беды милиции общеизвестны.

– С этим спорить трудно, – подтвердил зам Генерального. – Не меньше, впрочем, известны проблемы прокуратуры. Тут сотрудники тоже особенно не жируют. И тем не менее... Короче говоря, мы оба дела у вас забираем. – Перехватив удивленный взгляд зеленодольца, добавил, отвечая на невысказанный вопрос: – Как раз областная прокуратура уже успела поплакаться в жилетку: они тоже не могут разорваться. Обстоятельства сложились так, что в контексте нашей работы эта задача окажется, надеюсь, посильной. Александр Борисович возглавит следственную группу. Пусть ваши подопечные введут его в курс дела и передадут все материалы.

– Ими занимается один следователь.

– Объединили? Или нехватка людей? – поинтересовался Турецкий.

– Оба обстоятельства сыграли роль. В случае надобности их можно выделить в отдельное производство. В глаза же бросилось, что почерк один. Причем оба Поливанова были убиты чуть ли не на одном месте – на окраине города, точнее, в прилегающем к нему поселке. Это своего рода наш микрорайон.

– Тогда логично.

– Прошло девять дней после убийства следователя, и на том же самом месте застрелили вице-мэра?! – поразился Меркулов. – Совсем обнаглели.

Повернувшись к Александру Борисовичу, Селихов подобострастно спросил:

– Когда нашему работнику явиться к вам?

– Чего уж там усложнять. Сам приеду.

– Завтра?

– Сегодня, Виктор Николаевич. Сейчас. Вместе поедем, на вашей машине. Звоните, предупредите следователя, чтобы был на месте.

Прокурор связался с Позолотиным. Тот сидел в городской администрации, изучал документы, связанные с деятельностью погибшего вице-мэра. Договорились, что к двум часам он вернется в прокуратуру.

При сером, пасмурном дне Москва выглядела уныло. Дорога оказалась на редкость тягостной. Город убран плохо, из-за снежных завалов по бокам размеры проезжей части сузились чуть ли не вдвое. Долго добирались до Кольцевой автодороги, надеясь дальше помчаться с ветерком. Однако на Ярославском шоссе прокурорская «Волга» тоже несколько раз попадала в пробки – то ремонт на пути, то авария. Поэтому, когда в Зеленодольске Селихов сказал, что обратно отправит Александра Борисовича на своей машине, тот отмахнулся:

– Спасибо. Я уж как-нибудь на электричке доберусь. Быстрее получится.

У Позолотина был большой, неудобный кабинет, здесь работал сферический обогреватель со спиралью. Дмитрий Андреевич напоминал сдающего экзамен студента. Он заметно волновался, старательно перечислял московскому «важняку» обстоятельства, которые удалось установить. И после многочисленных наводящих вопросов Турецкий понял, что следствие практически нужно начинать сначала. Те жалкие крохи, которые удалось раздобыть Позолотину, давали лишь самое общее представление.

Несколько раз в кабинет заходили какие-то люди. Почти всех Позолотин представлял высокопоставленному коллеге. Те документы, которые можно было забрать с собой, Александр Борисович взял, с других сделал ксерокопии. Ничего особенно существенного следствию нарыть еще не удалось, а бумаг уже накопился целый пакет.

Перед отъездом Турецкий еще раз зашел в кабинет к Селихову. Виктор Николаевич повторил свое предложение довезти его до Москвы на своей машине. Турецкий отказался, попросив лишь подбросить его до станции. Потом он подошел к подробной карте города. Сразу нашел поселок Ноготково, центр, станцию железной дороги.

– Прокуратура здесь?

Селихов кивнул. Потом Турецкий посмотрел, где находится станция и каким путем машины обычно от прокуратуры едут в Москву. Попытался разобраться в хитросплетении незнакомых улиц.

– Скажите своему водителю, чтобы он безропотно выполнял мои просьбы, – попросил на прощание Александр Борисович.

Сев рядом с пожилым, степенным водителем прокурорской «Волги», Турецкий сказал:

– Если можно, давайте проедем на станцию по улице Чернышевского.

Тот расплылся в улыбке:

– Получается, вы знаете наш город.

– Совсем немного.

Когда доехали до конца улицы Чернышевского, водитель растерянно спросил:

– Дальше куда?

– На станцию.

– Почему же тогда мы здесь поехали, а не напрямик? Я думал, вам нужно куда-то зайти.

– Правильно подумали. Зайти нужно, чуть дальше. – Александр Борисович заметил вывеску пункта приема телефонных платежей. – Вот здесь остановитесь, пожалуйста.

– Что вас интересует? – вежливо спросил его высокий длинноносый паренек. Турецкий задал несколько дилетантских вопросов. Заодно купил карточку экспресс-оплаты – пригодится, дочка вечно забывает платить в срок.

Ему были знакомы криминальные нравы таких вот райцентров, поэтому-то он и не сдерживал Позолотина, когда тот знакомил его со всеми подряд. Совсем не исключено, что его поджидали на выезде из города. Выбрав же для поездки на станцию замысловатый маршрут, он узнает, не устроили ли за ним с первых шагов слежку. Вряд ли какие-нибудь эксцессы могут устроить в электричке, но на всякий пожарный случай нужно сесть в вагон, где побольше пассажиров.

До дома Турецкий добрался без происшествий. Час ехал до Ярославского вокзала, а оттуда на метро – прямая ветка до «Фрунзенской». А на машине он сейчас болтался бы где-нибудь на полпути. Надо будет сказать ребятам, что удобнее ездить в Зеленодольск на электричке. Сообщил он об этом уже на следующее утро, когда следственная группа собралась в его кабинете.

Сначала обрисовал ситуацию, какой она представилась ему после вчерашнего ознакомления с материалами следствия в Зеленодольске.

– У меня сложилось впечатление, что эти преступления неладно скроены, да крепко сшиты, – сказал Турецкий. – Жертвы убивали без особых затей, не пытаясь повести следствие по ложным следам. Просто постарались не оставить следов. Но мы ведь тоже не у плетня родились.

– Мне больше по душе хитро продуманные преступления. А с такими прямолинейными заморочками, как эта, трудновато разбираться, – сказал генерал Грязнов.

Оперативная группа под руководством заместителя директора Департамента уголовного розыска МВД Грязнова была выделена в помощь Турецкому. Сейчас на совещании присутствовали подчиненные Вячеслава Ивановича – Галина Романова и Владимир Яковлев. Из прокурорских сотрудников Турецкий включил в бригаду опытного Курбатова и молодую следовательницу Светлану Перову – не по годам серьезную, очкастую девицу двадцати шести лет от роду. На предыдущих делах она проявила недюжинную следовательскую хватку.

– Придется в этом Зеленодольске дневать и ночевать, – с притворной горечью вздохнул Яковлев.

– Ничего страшного, – в том же тоне осадил генерал. – Чем сильнее соскучишься по дому, тем быстрее найдешь убийц.

Прервав их пикировку, Турецкий изложил в общих чертах план действий:

– Что касается Поливанова-сына, то бишь прокурорского следователя, нужно будет отправиться по следам его дел, подготовленных для суда. Тамошний следователь тоже намеревался это сделать. Работа весьма трудоемкая, однако месть настолько распространенный фактор, который невозможно не учитывать.

– Я предлагаю выстроить мстителей по рейтингу, – сказала Перова.

Все с удивлением оглянулись на нее.

– То есть посмотреть, кто какой срок получил с легкой руки Поливанова. Ведь злость осужденного прямо пропорциональна сроку его заключения. Поэтому вероятность выше, что убийца находится среди тех, кто получил больший срок.

– Ну, Турецкий, – с серьезным видом произнес Вячеслав Иванович, – выроненные нами знамя подхватят надежные руки.

Все засмеялись, кроме Яковлева, который, настроившись на серьезную волну, терял всякое чувство юмора. Он сказал:

– Кто больше получил, Светлана, пока мстить не могут. Они еще сидят.

– У них есть подельники, родственники, – упорствовала Перова.

– Светлана права, – поддержал Турецкий. – При таком подходе хотя бы будет логическая система, она облегчит поиски.

– Вот пусть Перова сама и ищет.

– Я охотно.

– Договорились. Хотя такой подход не дает гарантии успеха. Можно получить маленький срок и все равно затаить злобу на всю оставшуюся жизнь.

Взглянув на часы, Вячеслав Иванович попросил:

– Давайте займемся вице-мэром. У меня сегодня еще одно совещание.

– Поливанов Павел Игнатьевич. Занимал эту должность два с лишним года. Разумеется, был связан со множеством людей в сфере бизнеса, и, легко догадаться, среди них недовольных им хоть пруд пруди. Тем более что сейчас ведется борьба с контрафактной и безналоговой торговлей. В Зеленодольске тоже строятся торговые центры и супермаркеты. Для многих нынешних хозяйчиков такие перспективы не сулят ничего хорошего. Честных инвестиционных конкурсов им не выдержать. Поэтому-то сейчас повсеместно распространилась тактика запугивания непокорных. Вполне вероятно, убийство сына было черной меткой вице-мэру. Хотя могут быть и другие мотивы. Это уж Романова и ночующий там Яковлев разберутся.

– Ночевка ночевкой, а сориентировали вы нас, товарищ советник юстиции третьего класса, неправильно, – с затаенной иронией в голосе откликнулся Яковлев. – По вашим словам получается, что вице-мэр человек кристальной честности и пострадал исключительно за свою принципиальность. Между тем в природе существуют и другие варианты.

– Разве он это говорил? – удивился Курбатов. – Видно, я прослушал.

– Не дословно, а по духу. Между строк чувствовалось.

– Хорошо, уточню по словам. Я говорил только об одной возможности. Обелять никого не обеляю, тем более заранее. Да это и невозможно, – например, у следователя в машине нашли следы героина.

– Доза? – ахнула Перова.

– Нет, именно просыпалось немного порошка.

Курбатов спросил:

– Что показала баллистическая экспертиза?

– Следователь Юрий Поливанов убит из пистолета ТК, «Тульский Коровин». По второму убийству результатов еще нет.

– Экспертиза где проводится?

– В областном ГУВД.

Совещание закончилось. Грязнов собрался уходить. Все, что можно было обсудить, уже обсудили. Остались лишь мелкие вопросы по завтрашней поездке оперативников и следователей в Зеленодольск. На прощание Турецкий, который из-за расследования другого дела завтра оставался в Москве, попросил:

– Кто-нибудь, например, ты, Володя, загляни на Ударную улицу, дом десять. Там есть салон связи, я вчера туда заходил, провернул маленький тест. Высокий, длинноносый менеджер, его зовут Кирилл. Бейджик на рубашке висел. Спроси, интересовался ли кто-нибудь вчера нашим с ним разговором.

Глава 7

Список Перовой

Несмотря на предостережения Турецкого, в Зеленодольск поехали на яковлевской машине. Володя настоял, и оказался прав: утром в сторону области был не столь большой поток транспорта, как на встречной полосе, где творилось нечто невообразимое. Так что сыщики добрались до места быстро. Первым делом все зашли в прокуратуру, где представились Селихову. Тот в свою очередь познакомил их с Позолотиным, который на этот день стал их гидом. Из прокуратуры он довел москвичей до здания УВД, это оказалось совсем близко.

Начальник милиции Гордиенко принял москвичей с распростертыми объятиями. Крупный, физически сильный человек лет шестидесяти с гостями был вежлив и предупредителен. Особенно ему нравилось, что среди приезжих есть женщины. Он усиленно кокетничал с Романовой и Перовой, очаровав их своими ямочками на щеках. Завершив краткую светскую болтовню, Альберт Васильевич выделил им машину, чтобы москвичи съездили на место преступлений. Преступлений два, место – одно.

В прокуратуре и милиции приезжие чувствовали себя словно школьники на экскурсии. Слушали общие слова о городе, о его прошлом и настоящем, самим же не терпелось приняться за работу. Когда наконец освободились от ритуальной обязаловки, Романова осталась в прокуратуре, Перова отправилась в мэрию, чтобы покопаться в тех административных делах, которыми в последнее время занимался Павел Игнатьевич, в надежде обнаружить что-нибудь скандальное. А мужчины поехали на окраину поселка Ноготково – посмотреть на месте, где погибли отец и сын.

На большой круглой опушке лежал ровный слой снега. Белый покров был обезображен двумя шрамами – там происходили сначала убийства, а позже поиск следов и вещественных доказательств. Сравнительно маленькие затоптанные площадочки вызвали сомнения в тщательности осмотра мест происшествия. Между ними было расстояние примерно пятьдесят метров.

Москвичи попросили показать место, где оставляли свою машину преступники. Позолотин провел следователей ближе к поселку. Оба раза машина останавливалась, едва съехав с дороги, за плотными зарослями высоких кустов. Настолько плотными, что даже голые кусты казались монолитным сооружением.

– Неужели никто не видел, как машина подъезжала сюда или уезжала? – поинтересовался Яковлев.

– Из тех, кого спрашивали, никто, – ответил Дмитрий Андреевич. – Да местные жители и в окна-то не смотрят. Ну проезжают машины иногда мимо. Не такая уж это диковинка, чтобы на них пялиться.

– Непохоже, чтобы тут было слишком оживленное движение. Случайно мог кто-то заметить. Ну а кто сообщал милиционерам про убийства?

– Первый раз в дежурную часть позвонила какая-то женщина из автомата. Сказала, что она и муж проезжали мимо этого места и увидели убитого человека. Дежурный еще предположил: «Может, это пьяный валяется». «Нет, – уверенно сказала она, – убитый». Сказала и положила трубку.

– Из какого автомата звонила, известно?

– Да, из центра. И запись есть, время зафиксировано. А второй раз, когда вице-мэр был похищен из ресторана, его жена и товарищ, с которым он там находился, подняли всех на ноги. Милиционеры начали причесывать подозрительные места и обнаружили труп Павла Игнатьевича.

– Меня интересует первый звонок, – сказал Яковлев. – На ночь глядя супруги едут в малолюдных местах на машине – и чтобы у них при себе не было мобильного телефона! Весьма странно, но допустим. Тогда она должна позвонить из ближайшего автомата, а не ехать в центр. Тут что-то не то.

Пока они обсуждали загадочность выбранного места и не менее таинственный звонок об убийстве, отошедший в сторонку Курбатов проводил непонятные манипуляции со снегом. Достав нож, он кромсал сугроб ножом, разрезал его на маленькие бруски, нагнувшись, дул на него. Яковлев и Позолотин с недоумением посматривали на Анатолия Михайловича, который сейчас напоминал городского сумасшедшего.

Вернувшись в город, Владимир Яковлев, как и Галина, окопался в прокуратуре, Курбатов же присоединился к Светлане, уже успевшей освоиться в мэрии. Она договорилась с градоначальником Владимирцевым, что с помощью секретарши, которая будет давать ей нужные документы, составит перечень наиболее существенных дел последнего времени.

Это была муторная, не имеющая четко очерченных границ работа, и без помощи всезнающей Нины Константиновны следовательница быстро утонула бы в разномастных документах, написанных бюрократическим языком. А он для нормального человека нуждается в переводе на общепринятый. Все же вездливая Перова выделила пять разделов, где фигурировали самые крупные цифры: «Бюджетные средства», «Бизнес», «Промышленность», «Строительство», «Имущество». Затем она выписала названия предприятий, фирм, договорные суммы. Числа фигурировали как минимум шестизначные. Интересно, какие из этих сделок могли дать пищу для подозрений в криминальном характере. Составив список и начисто переписав его своим каллиграфическим почерком, который читался не хуже компьютерной распечатки, Светлана направилась в кабинет Владимирцева. Ей не терпелось сразу проконсультироваться с мэром, кого из отмеченных бизнесменов можно отнести к разряду потенциальных подозреваемых.

– Чему могу быть полезен? – любезно спросил глава города.

– Евгений Афанасьевич, я выписала предпринимателей, которые в последнее время получали от Павла Игнатьевича отказы. Они не прошли по конкурсу или еще по каким-либо причинам.

– Всех выписали?

– Выбирала только те случаи, где фигурируют наиболее крупные суммы. Другими словами, обратила внимание на наиболее обиженных им людей. Не знаю, справедливо или несправедливо.

– Обиженных им легион. Павел Игнатьевич считал, что малый бизнес должен уходить с рынков в первую очередь в промышленный сектор, встраиваться в технологические цепочки более крупных производств. Своя логика в таком взгляде была. Безусловно, он старался действовать справедливо. А уж как получалось... – Мэр пожал плечами.

– Мне хотелось посоветоваться с вами, на кого при расследовании нужно обратить внимание в первую очередь. Кто из них способен отомстить вице-мэру за обиду – и не остановится перед убийством.

– Разве мои предположения могут служить уликой?

– Улики будем собирать мы. Но чтобы не расплыться, нужно разделить главное и второстепенное. Перво-наперво хотелось бы последить за теми предпринимателями, кто тесно связан с криминалом. Пусть это будут всего лишь предположения. Думаю, в данном случае неудачный опыт тоже может оказаться полезным.

– Мысль понятная, но... – извиняющимся тоном начал Владимирцев. – Светлана, сейчас я должен уехать. Вернусь через два часа. Тогда мы с вами сядем рядком и потолкуем ладком. А то ведь в спешке могу дров наломать, обидеть ненароком человека. Дайте мне, пожалуйста, ваш список. Я его посмотрю в машине.

- Только я ксерокс сделаю.
- Зачем? Я не потеряю.
- Все равно мне нужно иметь экземпляр. Мало ли что.

Чтобы попусту не тратить время, Перова решила поспрашивать о том же сотрудников мэрии, знакомых с коммерческой проблематикой. Посетила финансово-хозяйственный отдел, отдел промышленности и потребительского рынка. Представлялась, разговаривала с сотрудниками с глазу на глаз, гарантировала полную анонимность. Каждый последующий собеседник не знал, о чем говорили предыдущие. Показывая список из пятнадцати человек, она просила назвать троих наиболее оголтелых, внушающих определенные опасения.

Поначалу люди отказывались отвечать. Но не потому, что боялись, а просто никого не подозревали. Перова горячилась, доказывала необходимость такого опроса, напирала на то, что это поможет разыскать и наказать убийц Юрия Поливанова. Когда нет прямых доказательств, приходится опираться на интуицию. У одного человека она может оказаться никудышной, но за счет массовости может составиться картина, близкая к истинной. В чем-то это сродни составлению фоторобота – удастся получить общее представление.

Поддавшись уговорам следовательницы, люди осторожно отвечали на ее вопрос, и результат ошаршил Светлану. Каждый сотрудник называл одну и ту же тройку! Это было удивительно, но все, не сговариваясь, предполагали, что организовать убийство неугодного им человека способны генеральный директор машиностроительного завода Балясников, президент строительной корпорации «Прогресс» Пыльченко и предприниматель Разумовский, владелец нескольких магазинов и предприятий быстрого питания.

Итоги выборочного опроса порадовали Светлану: подобное единодушие не может быть случайным. К Владимирцеву она пошла уже по инерции, только потому, что договорилась о встрече. Он-то, очевидно, в курсе того, что происходит в его городе, и наверняка назовет те же самые фамилии.

В отличие от своих подчиненных, Владимирцев откликнулся на просьбу следовательницы без колебаний: сразу назвал троих предпринимателей из большого списка. На две трети его мнение совпало с мнением остальных – прозвучали фамилии Пыльченко и Разумовского. А вместо Балясникова мэр написал директора завода лифтового оборудования Маянского.

Пока Светлана занималась выявлением круга «неблагонадежных» предпринимателей, Курбатов созвонился с экспертно-криминальным управлением областного ГУВД и вызвал эксперта, чтобы зафиксировать следы автомобилей, на которых приезжали преступники. Дело в том, что семнадцатого января, в день убийства Юрия Поливанова, была непривычная для этого времени оттепель, а потом резко похолодало. Морозы держатся по сегодняшний день. Когда выпал новый снег, он лег на прошлый, словно на наст. Курбатов надеялся, что следы машин сохранились.

Через час приехал эксперт-криминалист Тудоров. Курбатов был хорошо с ним знаком, и они без промедления рванули в поселок Ноготково.

Предположения Курбатова оказались верными. Роман Степанович в самых выпендренных выражениях похвалил следователя не только за смекалку, но и за оперативность. Сегодня эти следы есть, а когда наступит оттепель, все пойдет насмарку.

– Мороз сыграл нам на руку, – готовя приборы к работе, приговаривал Тудоров. – Уж на что я терпеть не могу холода, а тут их благодарить нужно. Сыграли за нашу команду.

Роман Степанович – южный человек, родился и вырос в Молдавии. Видимо, он плохо переносил мороз, поэтому был одет в несколько свитеров. Однако чрезмерное количество одежды не мешало ему шустро двигаться. Он расчистил мягким веничком места, где останавливались машины преступников, сделал замеры, снял слепки, аккуратно заполнил специальные бланки.

– Оба раза приезжала одна и та же машина. Это можно сказать почти уверенно. Насчет того что смогу идентифицировать автомобиль по дефектам протекторов, вилами по воде писано. Все-таки снег – не глина. А марку, скорей всего, установлю.

– Уже неплохо, – кивнул Курбатов. Он знал, что при расследовании количество постепенно переходит в качество. Все эти мелкие наблюдения, подобно мозаике, составят общую картину.

Потом они осмотрели оба места убийства.

– Говоришь, местные опера не нашли вещдоков.

– В снегу сложно обнаружить.

– Трава тоже не подарок, – хмыкнул Тудоров. – Тоже возиться с ней упреешь. Если уж на то пошло, то в снегу искать в некоторых отношениях проще. Но противно. Нужно с грабельками, старательно, несколько раз пройти туда-сюда, каждый комочек поразминать пальчиками. Тогда все найдется.

– Беда в том, что здесь может ничего и не быть. Не обязательно же на месте преступления остаются вещественные доказательства.

– Гильзу нашли?

– Нет.

– Значит, гильза как минимум будет. Уже хорошо.

– Да она и не нужна, раз пуля есть.

– Ну гляди, тебе решать.

– Нет, – после минутного раздумья сказал Курбатов, – паспорта свои они вряд ли тут потеряли. Позолотин их нашел бы. А какие-то пылинки делу не помогут. Во всяком случае – пока не помогут. Если что-нибудь лежит под снегом, то сохранится до весны. Поэтому оставим резерв для поисков на черный день.

– Смотри. А то у меня сейчас есть славные практиканты. Руки у них чешутся. Они могут завтра здесь все перерыть.

– Ну давай еще немного подумаем, – сказал Курбатов. – Я звякну Турецкому, посоветуюсь.

– Давай сразу позвоним. Зачем размазывать сметану по тарелке, – сказал Роман Степанович и засмеялся: был у них в деревне один старик, который всегда говорил про сметану. Тудоров без устали упрекал его: мол, нет такой поговорки. А тут вдруг у самого вырвалось.

Анатолий Михайлович позвонил Турецкому, спросил, стоит ли практикантам прочесывать эти места в поисках вещественных доказательств.

– Еще как стоит! – сразу ответил тот.

– Вот видишь, Толя, – говорил на обратном пути Тудоров, – шеф без раздумий сказал, что искать нужно. Поэтому он начальник, а не ты. Решительность, брат, великое дело. Это половина успеха.

– Ты ведь тоже не начальник, – отмахивался следователь.

– И мне поделом – я тоже нерешительный.

Они вернулись в мэрию, где в холле первого этажа их поджидала освободившаяся Перова. Роман Степанович уговорил ее возвращаться с ним в Москву.

– А я с Володей поеду. Мы в одном районе живем, почти до дома довезет, – сказал Курбатов и пошел в прокуратуру.

Романова и Яковлев были довольны итогом своей деятельности: теперь у них имелся полный перечень дел, которыми занимался Юрий Поливанов за три года работы в прокуратуре.

Когда они вышли на улицу, было уже темно, как всегда зимой в это время. Теперь нужно заехать на Ударную улицу. В салоне связи Володя сразу понял, с кем вчера разговаривал Турецкий. На его вопрос высокий, длинноносый парень ответил утвердительно:

– Подошел ко мне незнакомый человек, сказал, что он из милиции, и спросил, о чем со мной беседовал тот посетитель. Ну я и сказал ему. Там же не было ничего особенного. Он только спросил, через какое время поступит оплата за мобильный телефон на его счет, а потом купил карточку экпресс-оплаты.

– Вы запомнили внешность того человека? У него имелись какие-нибудь особые приметы, – скажем, бородавки или шрамы?

– Нет, самое обычное лицо.

– Борода, усы, перебитый нос?

– Усы, кажется, были.

Глава 8

Жертвы «Тульского Коровина»

Утреннюю оперативку Турецкий начал, сообщив, что получил результаты второй баллистической экспертизы:

– Теперь оба эти дела объединяем – сын и отец Поливановы убиты из одного пистолета – системы «Тульский Коровин». К тому же у обоих на теле схожие ножевые ранения.

Александр Борисович уже почитал кое-что об этой редко встречающейся сейчас марке пистолета и рассказал собравшимся про ТК. Производился в двадцать шестом – тридцать пятом годах для высшего командного состава Красной армии. Характеризуется невысокой дульной энергией. Поэтому нужно стрелять с расстояния не больше двадцати метров, иначе человека не убьешь, только ранишь.

Отсутствие самовзвода делает невозможным быстрое и внезапное применение оружия. А ношение постоянно взведенного пистолета опасно для владельца, поскольку часто наблюдались случаи срыва ударника с боевого взвода, особенно при износе шептала. Подобные казусы случаются из-за того, что предохранитель блокирует только спусковой крючок и не воздействует на ударник.

Когда в кабинете появился слегка задержавшийся Курбатов и ему сказали, что оба убийства совершены из одного пистолета, он дополнил это сообщение своей новостью:

– Как выяснил Тудоров, оба раза убийцы приезжали на одной и той же машине.

– Теперь все это необходимо перевернуть. – Александр Борисович помотал головой, словно избавляясь от дьявольского наваждения. – Давайте послушаем, что удалось узнать по их самым скользким делам. Начнем по хронологии – с сына. Да, Володя, – вспомнил он, – ты вчера заезжал в салон связи?

– Заезжал и разговаривал с тем менеджером. Действительно, вами интересовался какой-то усач. Представился, будто он из милиции, спрашивал Кирилла, о чем вы с ним разговаривали.

– Гнилое местечко, – вздохнул Турецкий. – Заглянул на часок в прокуратуру – и уже весь город в курсе, что приехал следователь из Москвы.

– Сарафанное радио.

– Это уже не радио, а сарафанный Интернет. Чует мое сердце, там придется несладко. Нужно держать ухо востро.

Романова рассказала о наиболее заметных делах, которые были подготовлены Юрием Поливановым за время его работы в зеленодольской прокуратуре для суда. Двенадцать лет припаяли уголовнику со стажем за покушение на убийство. Два изувера заманили в гараж молодую женщину, заперли ее там и десять дней измывались над несчастной пленницей, периодически насилуя и избивая ее. Оба мерзавца вернутся в Зеленодольск нескоро. Можно только поинтересоваться их окружением. Найдутся ли у них столь преданные люди, которые пойдут на преступление, чтобы отомстить следователю, – это большой вопрос.

Поскольку Поливанов работал в прокуратуре меньше трех лет, то из преступников, понесших наказание с его легкой руки, на свободе оказался всего один: некий торговец наркотиками Крашенинников получил четыре года исправительных работ, но отсидел чуть больше половины срока и выпущен. Сейчас по-прежнему живет в Зеленодольске.

– Обязательно проверим, – сказал Александр Борисович, записывая фамилию бывшего заключенного в блокнот.

– Теперь что касается дел, находившихся в производстве. Юрий Павлович расследовал два: мошенника, кравшего у ветеранов войны фронтовые награды и подменявшего их фальшивыми подделками, и двух «черных следопытов», реставрировавших и продававших старое

оружие. Перед этим у него были отобраны два незаконченных дела. Первое связано с появлением фальшивых долларов, другое – с убийством троих местных бизнесменов.

Брови Турецкого удивленно взметнулись:

– Почему отобрали? Селихов мне ничего не говорил.

– Прокурор посчитал дело о фальшивых деньгах несущественным, его вообще прекратили. А тройное убийство передали другому следователю, Касаткину.

– Это...

– Это выяснилось из разговоров с сотрудниками, – предугадав вопрос шефа, ответила Галина. – С прокурором я не беседовала.

– Я сам с ним поговорю.

Грязнов сказал:

– Получилось два списка: по мэрии и по прокуратуре. Там не встречаются одни и те же фамилии?

– Ни одного совпадения.

– Значит, или – или.

– То есть ты хочешь сказать, убийство прокурора могло быть черной меткой для вице-мэра? – спросил Александр Борисович.

– Да, это что-то из области фантастики. Он самодостаточная фигура, для того чтобы преступники подвергали себя излишнему риску. Понимали же, какой бум начнется.

– Так ведь не начался, – сказала Романова.

– Вот именно, – согласился с ней Яковлев. – Да они могли и не сознавать всей заметности своего преступления. Живут в другом измерении, как на другой планете.

– Остается вариант, что оба убийства готовились самостоятельно и произошло случайное совпадение. – Почесав затылок, Турецкий обратился к самому себе как к человеку, принявшему странное решение: – Тогда чего ради мы объединяем их в одно производство?

Курбатов решил поддержать начальника:

– Вы же сами, Александр Борисович, сказали о случайных совпадениях. А их тут два: убиты отец и сын; оба убийства – дело рук одного киллера. Теоретически такое совпадение очень даже возможно. Не так уж много в Зеленодольске киллеров, чтобы для каждого заказа искать разных.

– Есть еще третий вариант, – робко вставила Перова. – Павел Игнатьевич стал проводить собственное расследование обстоятельств гибели сына и подошел слишком близко к разгадке.

Все уважительно посмотрели на молодую следовательницу, и только принципиальная манера Турецкого не хвалить прилюдно подчиненных удержала его от добрых слов. Вместо этого он сказал:

– Получается, вчерашняя ваша работа пошла насмарку.

– Ничего страшного. Во-первых, работа небольшая, – парировала Перова. – Во-вторых, возможно, и те данные пригодятся в дальнейшем.

Такой ответ тоже понравился Александру Борисовичу.

– Как вы думаете, стоит ли нам сейчас встречаться с Лагманом, который в последний день был вместе с Поливановым в ресторане? – обратился ко всем присутствующим Яковлев.

– Мне кажется, пока нужды в этом нет, – сказал Грязнов. – Его показания достаточно подробны, все очень наглядно. А вот с сотрудниками «Старой мельницы» поговорить нужно. Меня даже удивило, что сразу не брали их показаний. Они как местные жители могли что-то заметить. Причем тянуть с этим не нужно. Со временем многое забывается.

– Сейчас я позвоню Селихову, и потом решим, как действовать дальше.

Турецкий договорился с прокурором, что в час дня заедет к нему.

– Виктор Николаевич, кому переданы два последних дела, которые вел Поливанов?

– Одно Касаткину – про грабителя наград, другое – про «черных следопытов» – Позолотину.

– Попросите этих следователей показать мне эти дела. И еще я хочу посмотреть дело про фальшивомонетчиков, которое отобрали у Юрия Павловича.

– Оно прекращено производством.

– Слышал. Ну так возьмите из архива и пусть лежит у Касаткина. Я к нему зайду.

– Он часто бывает в Москве, я надеялся, и сегодня приедет. Ан нет, придется подско-
чить к нему. Но это, может, и к лучшему, – сказал Александр Борисович и неожиданно спро-
сил: – Володя, у тебя деньги есть?

– Сколько вам нужно?

– Да не мне – тебе. Высадим мы тебя у «Старой мельницы», а на обратном пути заберем.

– На обед хватит, – бодро заверил Яковлев.

– Только не ешь ложками черную икру, – посоветовал Вячеслав Иванович.

Турецкий подвел итоги совещания:

– В первую очередь нужно будет проверить двоих предпринимателей: кого мэр вычерк-
нул и кого вписал. Потом займемся двоими другими. Это относится к Поливанову-старшему.
Что касается сына, то нужно последить за освободившимся наркоторговцем, и внимательно
просмотреть дела, которыми он в последнее время занимался.

Володя спросил:

– Разве мы не на моей машине поедем?

– Нет, сегодня – на казенной. И вообще, как будем добираться в Зеленодольск, где нам
придется дневать и ночевать, еще не раз обсудим. Если с первого дня начали следить, значит,
там все повязаны. Галочка, ты как свой человек в прокуратуре тоже поедешь с нами...

Глава 9

В европейской глуши

Григорий Балясников был разбужен в своей люксембургской квартире телефонным звонком из Зеленодольска. Услышав невнятный спросонья голос, Ростислав Ладоскин сказал:

– Извини, совсем из головы вылетело, что у вас на два часа меньше.

– Сейчас даже по вашим меркам рано. Чего надо? – вместо приветствия буркнул Григорий.

– Знакомлю с ситуацией. А ситуация такая, что из-за этого договора дирекция подала на твоего Охепкина в суд.

– Погоди, погоди. – Балясников мигом перешел из сонного состояние в бодрое. – Во-первых, он такой же мой, как и твой. Во-вторых, на каком основании они к нему цепляются?

– Якобы он скреплен недействительной печатью, которая была украдена из приемной. Поэтому заводские называют договор фиктивным.

– Слава, что печать украдена, это я и без тебя прекрасно знаю. Я не пойму другого – как они подали в суд. Ведь иск подается по месту жительства ответчика. А Охепкин прописан у черта на куличках, где-то в Сибири.

– В Хабаровском крае. Туда и подали.

– Хорошенькое дело. Что-то я не врублюсь.

– Вот я и объясняю. Здесь тебе лучше не появляться.

– То есть?

Ростислав начал терять терпение от бестолковости собеседника:

– Если Охепкина объявят в розыск, то рано или поздно поймают. Тем более что особых оснований прятаться у него нет. Тогда на первом же допросе он сдаст тебя с потрохами.

– Его еще найти надо.

– Рано или поздно найдут. Костя – человек простой и считает, что «во глубине сибирских руд», он неуловим. А это не так.

– Получается, вам тоже валить надо.

– Нам-то с какой сырости? – усмехнулся Ладоскин. – Мы люди маленькие, лаптем щи хлебаем. Пакетами акций не владеем, договоров не подписываем.

Некоторое время они поговорили в таком духе, после чего Григорий сказал, что пора закругляться – ему жалко денег собеседника.

Он давно почувствовал, что с его союзниками каши не сварить, те ведут двойную игру. Прямых доказательств двурушничества у него не было, но интуиция в таких делах редко подводила Балясникова. Хотя Анатолий и Ростислав по-житейски хитры, особенным умом не блещут, действуют весьма примитивно. Весь расчет у них сделан не на тактику, а на силу. Если бы эти костоломы уговаривали его приехать, опытный Григорий с места не тронулся бы. Но когда Балясникова предостерегают, значит, нужно там появиться. Иначе он останется у разбитого корыта, а пирог поделят без него. Да и чего другого можно ожидать от этих мазуриков! Слишком уж они осторожны, полагаются больше на свою «крышу», чем на самих себя. Он-то хоть и живет в основном в Люксембурге, то есть находится в вынужденной эмиграции, а все равно больше них рискует. Как ни крути, у него контрольный пакет акций зеленодольского металлургического, он от имени завода заключил с Охепкиным договор о выполнении работ по обслуживанию и ремонту средств наружного наблюдения и систем сигнализации. Во всех случаях отмываются его деньги. Если что – все замкнется на нем. А у Интерпола, как известно, длинные руки. Эти же придурки, его партнеры, надеются отсидеться в тени, как поется в известной песне, «под крышей дома своего».

Балясников наскоро почистил зубы и сполоснул лицо. Обычно его утренний туалет занимал куда больше времени. Это было священнодействие. Неторопливое бритье, мытье сплетенной из волокон агавы перчаткой, контрастный душ, медленное, со вкусом вытирание четырьмя полотенцами, туалетная вода, крем для рук, гель для ног. Но вся эта музыка годится, когда находишься в благодушном настроении. А если тебя растревожили ни свет ни заря, тут уж не до мытья со вкусом.

Зеленодольский завод привлек Григория многими качествами. Во-первых, это монополист – клепают титановые пластинки для ракетной техники, больше в России таким производством никто не занимается. Во-вторых, можно считать, находится на отшибе. Недалеко от Москвы, но все же не Москва, отдельный город со своим управлением. В-третьих, есть надежная «крыша» – о любой опасности сразу предупредят. Поэтому он и умотал в Люксембург – запахло жареным, сыскари пошли по следу. Естественно, такое время лучше переждать в провинциальном, даже по скромным люксембургским меркам, Гревенмахере. Теперь же, когда законники бьют по мелкоте, судятся с мелкой сошкой вроде Охапкина, становится понятным, что его хотят надуть как последнего фраера, держать в европейской ссылке, чтобы поделить без него денежки. Ему же придется куковать тут на медные деньги. Похоже, уехав, он малость погорячился. В такой судьбоносный момент желательно сидеть на месте.

Григорий подошел к окну и раздернул занавески. Милая картина открылась его глазам. Между двумя старинными домами с фахверками начиналась узкая торговая улочка. Справа красовалось очаровательное, словно бонбоньерка, здание театра. Слева, возле булочной и пивного ресторана, малолюдная автобусная остановка – на витых металлических столбиках, под навесом. Ей, наверное, лет двести. Бесшумные автобусы ходят по расписанию. Тихо, спокойно. За театром есть потрясающе чистый пруд, где плавают лебеди, иногда Балясников ходит кормить ухоженных птиц. Тут вообще все вылизано, вычищено. Конечно, европеец способен выдать афоризм про то, что родину нельзя унести на подошвах башмаков. Нашему человеку такое и в голову не придет. Нельзя, ну и не надо. Без такой родины можно спокойно обойтись. Подошвы будут чище. Он вспомнил до боли унылый зеленодольский пейзаж с его замызганными пятиэтажками и скривился от отвращения. Нормальному человеку в той грязи жить невозможно. Очутился в вонючем подъезде – и после этого хочется сразу бежать в химчистку, а то и к дерматологу. Но ничего не попишешь – нужно ехать в этот гадюшник. Иначе есть шанс остаться без денег – и тогда не будет у него ни пруда с лебедями, ни уютного театрального зала, ни кафе-кондитерской возле ратуши, где он любил вкушать второй завтрак.

Глава 10

Большие дела маленькой прокуратуры

– Если я быстро освобожусь, то тоже подскочу в прокуратуру, – сказал Яковлев, когда муровская машина остановилась возле «Старой мельницы». – Вы примерно до какого часа там будете?

– Наверное, до трех. В случае чего созвонимся.

Турецкий специально приехал пораньше, чтобы до разговора с прокурором посмотреть дела, отобранные им у Юрия Поливанова.

Касаткина они застали в его кабинете. Высокий, худощавый человек в коричневом костюме и полосатой рубашке с галстуком, Марат Александрович подготовился к визиту москвичей. Он сразу показал им все папки с нужными делами. Турецкий велел Галине читать про фальшивые банкноты, а сам принялся изучать дело про убийство троих предпринимателей, время от времени задавая Касаткину уточняющие вопросы.

– Если я правильно понял, металлургический завод – это холдинг, куда входят еще два предприятия поменьше: механическая фабрика «Стандарт» из Нижегородской области и «Прибормонтаж» из Владимирской.

– Да, они коллективные владельцы акций металлургического. У них на двоих было тридцать три процента.

– И все три совладельца почти одновременно убиты. А новый генеральный директор головного предприятия, заняв этот пост, до сих пор не появлялся в России.

– Балясников живет за границей, кажется в Люксембурге. Тут работают по доверенности его люди. Но договор с Охапкиным насчет новой сигнализации подписывал он. Видимо, кто-то к нему ездил в Люксембург. Не удивлюсь, если это был сам Охапкин. Или гендиректор заранее поставил отдаленную дату.

– Неужели Охапкина до сих пор не могут найти? – удивился Александр Борисович, уже узнавший это из материалов дела.

– Выходит, так. Наверное, при составлении договора пользовался фальшивым паспортом.

– Аванс этот, сто тысяч, он получил?

– Не знаю, как раз сейчас и занимаюсь выяснением. У Юрия Павловича никаких данных на этот счет не оказалось.

По мере чтения у Турецкого возникали новые вопросы. Чтобы не повторяться, решил обратиться с ними непосредственно к прокурору. Все-таки Юрий Поливанов регулярно отчитывался ему о ходе следствия.

Стоило Александру Борисовичу войти в кабинет, как Селихов с места в карьер начал почему-то говорить о судах присяжных. Он прочитал в газете статью, критикующую эту судебную разновидность, и теперь полемизировал с ней, излагая свои соображения московскому «важняку». Утверждал, что суды присяжных – это высшее проявление демократического правосудия, потому что штатные судьи в большинстве своем послушны или продажны, а присяжные искренни и беспристрастны.

Турецкий в зародыше пресек риторический диспут, заговорив о том, ради чего пришел:

– Виктор Николаевич, насколько я понял из дела об убийстве троих бизнесменов, в числе которых генеральный директор металлургического завода, его длительное время пытались сместить с должности. В конце концов соперникам это удалось.

– Такое сейчас случается сплошь и рядом, – вставил прокурор.

– Трудно отрицать. В данном случае получается, что Поливанов достаточно близко подошел к развязке. И в то же время в его доказательной базе отсутствуют некоторые опорные точки.

– Какие вы имеете в виду?

– Ну, например, из дела ясно, – надев очки, Александр Борисович, посмотрел на листок бумаги со своими записями, – что летом прошлого года арбитражный суд Нижегородской области прекратил производство по иску коллективного акционера металлургического завода – механической фабрики «Стандарт» – об исполнении решения совета директоров о назначении нового гендиректора. При этом истец предоставил в суд выписку из протокола совета директоров, характеризуя ее как фиктивную. Из контекста следует, что эта выписка имеется в деле. Однако я ее там не обнаружил.

– Куда ж она могла деться?!

– Вы меня спрашиваете?! А я как раз хотел узнать об этом у вас.

– Ах, Александр Борисович, как четко вы уловили специфику столь запутанного дела, – с нотками восхищения в голосе усмехнулся Селихов. – Я над ним долго голову ломал, а вы – раз-два и в дамки. – Он посерьезнел. – Вы знаете, я тоже обратил внимание на отсутствие этого и ряда некоторых других документов. Спрашивал Поливанова и не мог добиться внятного ответа. Получалось, вроде бы они есть, указаны в описи, упоминаются, и в то же время их нет. Такой вот парадокс. Конечно, о мертвых принято говорить либо хорошо, либо ничего. Но мы все-таки не в курилке судачим, не перемываем людям косточки от нечего делать. Я объясняю все эти огрехи элементарной несобранностью. К Юрию все относились прекрасно: замечательный сын замечательного отца, у него масса положительных качеств. Однако иногда он сильно злоупотреблял нашим доверием, действовал спустя рукава, надеялся на извечный русский «авось». Так и с этим делом. Расследовал он его долго и малоэффективно. В конце концов я отобрал у него два дела под благовидным предлогом. Сказал, что одно вообще прекращаю, хотя полной уверенности о его прекращении у меня нет и сейчас.

– Вы имеете в виду фальшивомонетчиков?

– Да. А второе решил передать Касаткину под тем соусом, что хочу поручить Поливанову более актуальные дела, которые могут получить резонанс в связи с приближающимся юбилеем Победы. Хотя понимаю, раскрутить тройное убийство гораздо важнее. Надеюсь, опытный Касаткин с ним справится. Он из тех, кто медленно запрягает, да быстро едет. А Юрий явно оказался в тупике. У него случилось нечто вроде творческого кризиса, можно сказать, забуксовал парень. Отсюда провалы логики, потери документов.

– То есть вы в курсе того, что потери были.

– Разумеется. Касаткину придется их восстанавливать, искать копии. Ведь были утрачены некоторые оригиналы.

– Виктор Николаевич, вы утверждаете, последнее время Поливанов находился в кризисе. Как долго тянулся этот период?

– Пожалуй, с осени. Я даже обратил внимание на его хандру. По осени у многих людей бывает депрессия. Списал на это. Со временем гляжу – не проходит.

– Может, виной тому были какие-то внешние причины?

– Сейчас начинаю склоняться к этому все больше и больше. Следователь – должность рискованная, не вам мне рассказывать. Тут и месть возможна. Народ нынче без тормозов. По любому поводу хватается за оружие, за взрывчатку. Действительно напортил Нобель со своим динамитом, выпустил джинна из бутылки.

Почувствовав, что собеседник норовит перевести разговор на другую тему, Турецкий предпочел покинуть прокурора. Он вернулся в кабинет Касаткина, где составил для Марата Александровича реестрик, на что тому нужно обратить при расследовании первостепенное внимание.

– Дело об убийстве обоих Поливановых Генеральная прокуратура забрала. Но раз вы начали им заниматься, то продолжайте. Нелепо бросать на полпути, люди будут удивлены.

Касаткин выслушал это сообщение московского «важняка» с каменным лицом.

– Очень разбросанное дело. Организации морочат голову с ответами на мои запросы.

– Будут тянуть резину – скажите мне. Мигом ответят. Обращайтесь ко мне без всякого стеснения.

– То есть вы меня контролируете?

– Как участника комплексной следственной бригады. Хотя это слово «контролировать» тут не совсем точно. Вернее, курирую или даже патронирую. Именно так, – сказал Александр Борисович.

Перед уходом из касаткинского кабинета он позвонил Яковлеву:

– Что-нибудь удалось выяснить?

– Есть ориентировочные наводки насчет марки машины.

– Потом расскажешь. Мы с Галиной сейчас заедем в горотдел милиции – почитать протоколы с места убийства старшего Поливанова. А ты подожди нас в «Старой мельнице».

– Это же долго получается, Александр Борисович. Может, мне тоже туда подъехать?

– Не дергайся, подожди.

– Есть, не дергаться. И ежу ясно, почему так велено.

– Вот и замечательно.

В машине Турецкий приказал водителю сразу ехать к «Старой мельнице» и, перехватив удивленный взгляд Галины, объяснил:

– Маленькие хитрости. Просто мне интересно, утекает ли информация через нашего нового друга Касаткина.

Глава 11

Борьба за собственность

Светлана Перова отправилась на утренней электричке в Зеленодольск. Она специально выехала пораньше, чтобы успеть повстречаться с большим количеством предпринимателей. Вчера она долго названивала сюда по телефону. Не удавалось застать то одного, то другого. Все же, благодаря любезной Нине Константиновне из мэрии, в течение дня удалось договориться с несколькими из них, и Светлана хотела использовать поездку с максимальной пользой. Правда, ей не верилось, что таким способом можно добыть весомые доказательства, и Турецкий битый час наставлял ее на путь истинный. Говорил, если нет прямых улик, нужно собирать косвенные. Следователю ни в коем случае нельзя сидеть сложа руки. Нужно забрасывать сети наугад, тогда рано или поздно в них попадется добыча. Пусть беседует, все пригодится, со временем количество перейдет в качество.

Вчера прибыло заключение эксперта о машине, на которой преступники оба раза приезжали в поселок Ноготково. Как и можно было предполагать, это оказался наш «уазик». Появись они на импортном внедорожнике типа «хаммера», на них везде обязательно обратили бы внимание.

Вчера же Перова еще раз прочитала протоколы осмотра обоих мест происшествия в Ноготкове. На теле Поливанова-младшего было несколько огнестрельных и ножевых ранений. Колотая рана имеется и у вице-мэра. Помимо нее есть пять огнестрельных, две из которых смертельные. Стреляли с близкого расстояния.

Представив себе эту картину, Светлана зябко поежилась. Глядя в этот момент на нее, можно было подумать, что в вагоне холодно. На самом деле электричка хорошо отапливается. Сюда бы сейчас побольше пассажиров, тут вообще жарко стало бы. Однако по утрам в сторону области едет мало народу. К тому же этот состав с укороченным маршрутом – только до Зеленодольска. Видимо, на ней добираются москвичи, которые там работают. Ей захотелось проверить свои предположения, и она спросила у сидевшего напротив мужчины:

– Скажите, вы регулярно ездите в это время в Зеленодольск?

– Я-то каждый день, работаю там. Тут таких много, одни и те же лица уже примелькались. Едем в одно и то же время, у каждого излюбленный вагон, даже место. Когда появляется новый человек вроде вас, он сразу бросается в глаза.

– А вы где там работаете?

– Вы что, устроиться хотите?

– Нет, просто интересно.

– А то у нас сладкое место – я работаю на кондитерской фабрике, электриком. Приходите к нам, будем вместе делать киндер-сюрпризы.

Перова вспомнила, что старая кондитерская фабрика фигурировала в ее списке. После того как ее модернизировали итальянцы, она стала одним из заманчивых предприятий города. В результате инвестиционного конкурса там произошла смена руководства.

– Я хотя редко бывала в Зеленодольске, но слышала, что недавно у вас сменился владелец.

– Было дело.

– Ну и как новый? Для вас это лучше или хуже?

– Нам по барабану, чья это собственность. Лишь бы деньги платили. А уж кто там владеет акциями – пусть богачи сами между собой разбираются.

– Зарплату выдают без задержек?

– Исправно. Как штык.

– Что собой представляет новый директор?

– Понятия не имею. Я и прежнего видел раз-два и обчелся. И к этому в кабинет невхож. У них свои дела, у нас – свои.

Первый прием у Светланы был в десять часов на заводе лифтового оборудования. Директором там был некто Маянский, в свое время усиленно претендовавший на приобретение предприятия транспортных услуг. Это был тот человек, которого внес в список мэр вместо подозревавшегося большинством Балясникова.

Потерпевший поражение в борьбе за хлебное место Дмитрий Максимович Маянский не производил впечатления человека, убитого горем. У сорокалетнего крепыша со скуластым лицом и пышными усами был очень задорный взгляд. Будто он только что отпустил соленую шутку и теперь ждет реакции собеседника. Одет он был в черный костюм и белоснежную рубашку с галстуком.

– Дмитрий Максимович, я следователь Генеральной прокуратуры Перова Светлана Кирилловна, – представилась она.

– Следователь, – словно эхо, повторил директор, и в глазах у него мелькнули бесенята. – А где же ваша неизменная трубка в зубах?

– Откуда у вас такое представление о следователях?

– Из кино. Где же я еще мог видеть вашего брата!

– Кажется, вы спутали меня с Шерлоком Холмсом, – сухо сказала Светлана. – Сейчас мы расследуем дело об убийстве отца и сына Поливановых.

Сказав это, она выжидательно посмотрела на Маянского, тот не мигая уставился на нее. Паузу прервал директор:

– Я слушаю вас, Светлана Кирилловна. Ну расследуете. Дальше-то что?

– Мы беседуем с людьми, знавшими их. Пытаемся определить мотивы преступления. Возможно, в кругу высокопоставленных людей муссируются какие-то слухи. Любая точная деталь может помочь следствию.

– Нет, не дошло до меня никаких слухов по этому поводу. Поэтому ничего не могу сказать. Вы во всем лучше разберетесь. С Поливановым-сыном я вообще не был знаком.

– А с Павлом Игнатьевичем?

– Тоже не то чтобы близко. Пересекались при оформлении каких-то документов.

– То есть вы не можете сказать, что он был за человек.

– Вот уж этого точно не могу. Для меня он не человек, а должность. Таковую бумагу должен подписать вице-мэр. Это я понимаю. Сидел бы в его кресле другой человек, он интересовал бы меня точно так же, как Поливанов, не больше и не меньше. От вице-мэра нужно получить какое-нибудь разрешение. Для чего он еще нужен?!

– У человека, занимающего должность во власти, имеются свои вкусы и привычки. Вы или кто-нибудь из ваших знакомых учитывали это?

– Я понимаю, о чем вы говорите. Случается, у нужного человека имеются страстишки, которым для пользы дела нужно потакать. Женщины, рестораны, охота. Коллекционеров легко умасливать, сунув им какой-нибудь раритет. Поливанов же в этом смысле был обычный мужик. Я ничего не слышал о его пристрастиях.

– И все-таки его убили. Значит, кому-то он насолил.

– Смотря что понимать под этим «насолил». Конечно, кто-то мог быть недоволен его решениями. Ну и что? Этак любого чиновника пристрелить можно.

Светлана почувствовала, что ей становится трудно продолжать разговор.

– Я хочу понять ощущения людей, обиженных одним из руководителей города. Это же не бытовая обида, не конфетку у ребенка отобрали. Вот вы, например, намеревались приобрести транспортное предприятие.

– Грузовые перевозки, – уточнил Маянский.

– Но не получили. То есть лишились доходов. Что вы при этом испытывали к Поливанову?

– Благодарность.

– Как это? – опешила Перова.

– Очень просто, – засмеялся Дмитрий Максимович. – Понимаете, я должен был покупать по рыночной стоимости. Значит, при этом в казну платится двадцать процентов от сделки. Сумма огромная. Обидно кормить армию чиновничьих дармоедов. Окупится предприятие неизвестно когда, если вообще окупится. А так я ровным счетом ничего не потерял, спасибо и на этом. А на безбедное существование мне хватает без транспортной конторы. На продукцию нашего завода имеется стабильный спрос.

– Получается, бизнес приносит массу нелегких хлопот. Почему же вокруг купли-продажи предприятий ведется такая жестокая борьба?

– Вокруг купли-продажи, как вы изволили выразиться, жестокая борьба не ведется. Там идет обычная торговля с элементами азарта, экономического разумеется. Жестокая ведется, когда бандиты пытаются наложить лапу на прибыльные предприятия путем его захвата, делая вид, что они восстанавливают справедливость. По фальшивым документам, с подкупленными членами совета директоров, объявляют прежнего директора «лжевладельцем», приходят с судебными приставами и сажают в его кресло своего ставленника. Такой вот простой механизм. Однако официальные власти тут ни при чем.

Перова вспомнила разговор с попутчиком в электричке.

– Рабочим-то безразлично, кто владеет заводом.

– Э-э... нет. Эффективно управлять собственностью может только ее хозяин, который все выпестовал и организовал. Не будет любовно руководить бандит с большой дороги, захвативший предприятие под дулом автомата. Уж мы-то, совки, которые семьдесят лет советской власти не имели на производстве хозяина, это прекрасно понимаем.

– И случаи с захватом предприятий в Зеленодольске бывали?

– Не без этого.

– Вы можете привести примеры?

– Зачем вам это знать, Светлана Кирилловна? Если что-нибудь подобное делалось, то без ведома Поливанова.

Они разговаривали довольно долго, и все это время Перову мучил вопрос: почему мэр включил Маянского в число предпринимателей, способных на убийство. Наконец, улучив момент, она спросила:

– Дмитрий Максимович, какие у вас отношения с Владимирцевым?

– Паршивые, – хмыкнул тот и почесал затылок. – Дело в том, что мы с Женей земляки – из поселка Коленовка, это неподалеку отсюда. Знакомы с босоногого детства. Пожалуй, с малых лет он меня и недолюбливает. За что? За острый язык. Я считаю, что Владимирцев, мягко говоря, человек небольшого ума. Да-да, не удивляйтесь. Это ничего, что он делает заметную карьеру. В нашей стране такие дундуки и всплывают на поверхность. Из таких болванов вся Дума состоит.

Светлана пыталась возразить, но директор остановил ее порыв:

– Не стоит устраивать сейчас диспут. Все равно каждый останется при своем мнении. Так вот про Владимирцева. Я его высмеивал где только можно и за что только можно. А он в своем стремлении к власти то и дело попадал в смешное положение. Например, в свое время он был у нас секретарем комсомольской организации, а когда комсомол упразднили, Женьку сделали главой поселковой администрации. Там он получил большую известность, когда распорядился изготовить печать для документов с двуглавым российским орлом. А по закону изображения государственных символов могут использовать только государственные органы – суды, милиция, та же прокуратура, но никак не органы местного самоуправления. Прокуратура быстро

пресекла его попытку украшать свою подпись на служебных документах державной птицей – направила ему представление по устранению нарушения закона. Пришлось со слезами на глазах уничтожить печать.

Потом Владимирцев объяснял, что орел на новой печати выглядел очень красиво и прибавлял солидности документам. К счастью, воспользоваться новинкой он почти не успел. Начал же с того, что, получив ее, на радостях принес домой и шлепнул оттиск у жены на спине. Об этой его шуточке каким-то образом пронюхали, и вскоре она ему откликнулась при следующих обстоятельствах. Как-то Женька отдыхал со знакомыми на пляже. Пляж, наверное, слишком громко сказано. В Коленовке есть пруд, на берег которого в жаркую погоду приходит все местное население. Вот и глава администрации пришел однажды с компанией. Когда изрядно выпили, он заснул прямо на солнцепеке. Тут кто-то из дружков вырезал из бумаги силуэт двуглавого орла и положил Владимирцеву на спину. Короче говоря, над Женькой потом смеялся весь поселок. А он очень злопамятный человек. Поэтому не любит своих земляков, в том числе и меня. При случае способен насолить.

Часть II

Подмосковные вечера

Глава 1

Последние почести

Вечером Турецкий сказал участникам следственной бригады:

– Мне звонили из зеленодольской прокуратуры – завтра похороны Павла Игнатьевича.

Все поедем.

– Зачем? – спросила Галина.

– Не знаю, – ответил шеф и принялся размышлять вслух: – Почувствуем отношение людей к погибшему. Послушаем, что о нем говорят. Увидим, кто придет, кто не придет.

Похороны состоялись на том же кладбище, на котором недавно хоронили Поливанова-младшего. Могилы отца и сына были рядом. На Валентину Олеговну было страшно смотреть. Она стояла будто каменная, без причитаний, без слез, – видимо, все уже выплакала за эти дни и ночи.

Первым выступал градоначальник Зеленодольска Владимирцев. Внешний вид этого румяного здоровяка в пыжиковой шапке до неприличия контрастировал со скорбной обстановкой вокруг. Бывший секретарь здешнего горкома комсомола, он без запинки произнес весь ворох приличествующих случаю слов. Турецкий не уловил в них ни малейшей нотки искренности.

Потом выступали представители областной администрации, районной, директора предприятий, редактор местной газеты, московский товарищ покойного Лагман. Чем дальше – тем душевнее становились слова признательности к погибшему вице-мэру, тем чаще слышались призывы разыскать и наказать преступников.

Турецкий неспешно переходил от одной группы людей к другой, прислушивался к разговорам. Родственники объясняли интересующимся, почему на похоронах нет бывшей жены Юрия, в которой Павел Игнатьевич души не чаял. Оказалось, Лидия Поливанова, врач, сейчас находится в командировке в Шри-Ланке, куда улетела еще до гибели Юрия, помогает справиться с последствиями декабрьского цунами. Она находится там в какой-то глубинке на юге острова, поэтому, несмотря на все попытки, связаться с ней не удалось.

После похорон Александр Борисович подошел к прокурору Селихову, поговорил с ним, узнал, что поминки состоятся в помещении городской администрации. Виктор Николаевич представил ему стоявшего рядом богатыря с располагающей внешностью. Это был начальник УВД Гордиенко.

– А почему вы к нам вчера не зашли? – спросил Альберт Васильевич.

– Вчера я к вам не собирался.

– Разве? – смутился тот. – Мне почему-то казалось. Наверное, спутал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.